

Иона, архиепископ
Новгородский,
и вопрос
о каноническом
подчинении
Новгородской
епархии
(К истории борьбы
московской и
литовской партии
в Новгороде)*

Jonas, Archbishop
of Novgorod,
and the Question
of the Canonical
Subordination of the
Novgorod Diocese
(To the History
of the Struggle
of the Moscow and
Lithuanian Parties
in Novgorod)

**Борис Андреевич
Успенский**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Boris A. Uspenskij

HSE University,
Moscow, Russia

---

* В научной работе использованы результаты проекта «Лингвoseмиотические аспекты истории русской культуры: Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

Цитирование: Успенский Б. А. Иона, архиепископ Новгородский, и вопрос о каноническом подчинении Новгородской епархии (К истории борьбы московской и литовской партии в Новгороде) // *Slověne*. 2023. Vol. 12, № 1. С. 42–82.

Citation: Uspenskij B. A. (2023) Jonas, Archbishop of Novgorod, and the Question of the Canonical Subordination of the Novgorod Diocese (To the History of the Struggle of the Moscow and Lithuanian Parties in Novgorod). *Slověne*, Vol. 12, № 1, p. 42–82.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.02

Резюме

В работе показывается, что св. Иона, архиепископ Новгородский (1458–1470) — последний независимый архиепископ Великого Новгорода, — был сторонником литовской партии, а отнюдь не сторонником Москвы, как это утверждает агиографическая традиция и как это вообще принято думать. В частности, он хотел, чтобы его преемник был поставлен не в Москве, а в Киеве (т. е. в Литовской Руси). В этой связи рассматривается вопрос: обещал ли Иона не признавать митрополита Григория Болгарина, поставленного в Риме на Киевскую кафедру.

Ключевые слова

Иона (новгородский архиепископ), Иона (митрополит Киевский и вся Русь), Феофил (новгородский архиепископ), Григорий Болгарин, Дионисий I (константинопольский патриарх), Иван III, Михаил Олелькович, Новгород, Литовская Русь, история русской церкви, церковная юрисдикция, поставление архиерея, архиерейское обещание

Abstract

The present work aims to demonstrate that St. Jonas, Archbishop of Novgorod (1458–1470)—the last independent Archbishop of Veliky Novgorod—was a supporter of the Lithuanian party, and not at all an adherent of Moscow, as hagiographic tradition claims and is commonly thought. In particular, he wanted his successor to be consecrated not in Moscow, but in Kiev (i.e., in Lithuanian Rus'). In this connection we consider the question: whether Jonas promised not to recognize Gregory the Bulgarian, who was appointed in Rome to the metropolitan see of Kiev.

Keywords

Jonas (archbishop of Novgorod), Jonas (metropolitan of Kiev and All Rus'), Theophilus (archbishop of Novgorod), Dionysios I (patriarch of Constantinople), Ivan III, Mixail Olel'kovich, Novgorod, Lithuanian Rus', history of Russian Church, ecclesiastical jurisdiction, episcopal consecration, episcopal vows

Памяти Андрея Ивановича Плигузова

§ 1. 8 ноября 1470 г. (или, по другим сведениям, 5 ноября) скончался Иона, архиепископ Новгородский, и встал вопрос о избрании и поставлении его преемника. Через неделю (или через десять дней) после смерти Ионы, 15 ноября 1470 г., на новгородскую кафедру избирается священноинок Феофил, бывший владычный ризничий [ПСРЛ, XXV, 1949: 284; ПСРЛ, VIII, 1859: 159; ПСРЛ, XII, 1901: 125; ПСРЛ, VI, 1853: 6; ср. также: Рудаков 1913: 478]. В соответствии с древней новгородской традицией, Феофил был избран жребием из трех кандидатов (см. об этой традиции: [Успенский 1998: 286–303]). Другими кандидатами были Варсонофий, духовник архиепископа Ионы, и Пимен, владычный ключник [ПСРЛ,

V/2, 2000: 172]. Если Пимен, заместитель («наместник») Ионы, был тесно связан с почившим архиепископом (во время отсутствия владыки Пимен управлял новгородской епархией)¹, то относительно Феофила это не так очевидно. Феофил был новопостриженный монах, который до пострижения служил мирским протодиаконем на владычном дворе, т. е. принадлежал к белому духовенству; тогда же, видимо, он был владычным ризничим. Приняв постриг в Вяжищском монастыре, Феофил стал жить в Вяжищах²; для дальнейшего изложения важно отметить, что в конце жизни Ионы он перестал с ним регулярно общаться. Цитированные выше летописи называют его «священноиноком», т. е. иеромонахом³; очевидно, став монахом, он был рукоположен в священники.

После избрания Феофила новгородцы отправляют посла Никиту Ларионова (Савина)⁴ в Москву к великому князю Ивану III и митрополиту Филиппу и получают от них приглашение для поставления⁵.

¹ Во время своей поездки в Псков (зимой 1469 г.) Иона оставлял Пимена «на вся дѣла» [ПСРЛ, XVI, 1889: стлб. 223–224]. Отметим (хотя это не имеет отношения к нашей теме), что Пимен был иконописцем: в 1463 г., будучи уже владычным ключником, он расписывал Никольскую церковь в новгородском Никольском монастыре на Островке [Ibid.: стлб. 213–214].

² Ср. во Второй Софийской летописи: «возведоша Феофила, нѣгого новопостриженна мниха, диакону ему мирскому бывшу у того же Юны архіепископа» [ПСРЛ, VI, 1853: 191; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 170]; то же дословно в Типографской летописи [ПСРЛ, XXIV, 1924: 188]. В Третьей Псковской летописи Феофил называется протодьяконом и владычным ризничим; как указывает эта летопись, во время избрания архиепископы Феофил жил в Вяжищском монастыре, ср.: «И избра Богъ и святѣи Софеи Премудрость Божия сложителя своему престолу, а великому Новоугороду преосвященно архіепископа, и осташе на престолѣ жребей Фифилактов [sic! читай: Феофилов. — Б. У.] протодиакона и ризника владычня; и всѣ великои Новѣгород тмы часы гнавше на Вежища, преведше ѣ и възведше въ владычен дворъ на сени честно, и нареکشѣ ѣ преосвященным архіепископомъ» [ПСРЛ, V/2, 2000: 172]. — О том, что на владычном дворе в Новгороде в это время служили не только иноки, см.: [Голубинский, II/2: 47].

³ Священноиноками были и другие кандидаты в новгородские архиепископы (Варсонофий и Пимен), что отвечает принятому в то время в Новгороде обычаю. Ср. в цитируемые ниже великокняжеских летописях: «каковъ бѣше обычай у них, [...] начаша избирати о священноинок на архіепископью».

⁴ В московском великокняжеском летописании этот посол именуется *Никитой Ларионовым* [ПСРЛ, XXV, 1949: 284; ПСРЛ, VIII, 1859: 159; ПСРЛ, XII, 1901: 125; ПСРЛ, XXVI: 231; ПСРЛ, XXVII, 1962: 129; ПСРЛ, XVIII, 1913: 225; Иоас. лет.: с. 63], в «Словесех избранных...», московском трактате о событиях 1471 г. (см. ниже, примеч. 9), — *Никитой* или *Микитой Савиным* [ПСРЛ, IV/2, 1925: 502; ПСРЛ, XLIII, 2004: 191; ПСРЛ, VI, 1853: 4; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 184; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 151; ПСРЛ, XX/1, 1910: 286]. Митрополит Филипп называет его *Микитой Савичем* или *Микитой Савиным* [РИБ, VI, № 102: стлб. 725; АИ, I, №№ 279, 280: 511, 513]. По-видимому, *Сав(в)ой* звали отца Никиты, т. е. *Савин* (как и *Савич*) было его отчеством, а *Ларионов* — родовым прозванием.

⁵ См. опасную грамоту Феофилу, выданную митрополитом Филиппом вслед за упоминаемой здесь же опасной грамоте, выданной ему великим князем: [АИ, I, № 279: 511–512].

Подробный рассказ об этих и последующих событиях содержится в московском великокняжеском летописании, в частности, в Московском летописном своде конца XV в.:

Новгородци же по старинѣ, каковѣ быше обычаи у них, створиша вѣче и начаша избирати о священноинок на архиепископью, и, избравше трех, метнуша жребиа. И паде жребии на нѣкогого священноинока Феофила именем, и възведоша его на дворъ архиепископлъ. И послаша к великому князю Ивану Васильевичу посла своего Никиту Ларионова бити челом и опаса просити, что бы нареченному их чернцу Феофилу пожаловал, велѣл бити к себѣ на Москву и поставити бы его велѣлъ своему отцу Филиппу митрополиту на архиепископью Великого Новагорода и Пскова, яко же и преже сего было при предних князехъ. Князь же велики по их челобитью и прошению ничто же къ преднему примышляя, но и легче жалуя, посла их почтивъ, отпусти со всѣм, о чем ему билъ челом от всего Новагорода, отвѣт давъ ему таковъ: “что отчина моя Великийи Новѣгород прислали ко мнѣ бити челом о том, что взял Богъ отца их, а нашего богомолца архиепископа Иону, а избрали себѣ по своему обычаю по жребиемъ, священноинока Феофила, и язъ ихъ, князь велики, жалуя, и того нареченного Феофила, и велю ему быти к себѣ на Москву и ко отцу своему Филиппу митрополиту стати на архиепископью Новагорода и Пскова без всяких зацѣпок, но по прежнему обычаю, как было при отцѣ моемъ великом князе Василье и при дѣде и при прадѣде моемъ и при преже бывших всѣх великих князеи, их же род есмы, Володимерьских и Новагорода Великого и всеа Руси”

[ПСРЛ, XXV, 1949: 284; то же: ПСРЛ, VIII, 1859: 159; ПСРЛ, XII, 1901: 125; ПСРЛ, XXVI, 1959: 230–231; ПСРЛ, XXVII, 1962: 129; ПСРЛ, XVIII, 1913: 225; Иоас. лет.: 62–63].

Как видим, в ответе Ивана III вопрос о поставлении новгородского архиепископа оказался связанным с притязаниями великого князя на власть в Новгороде — с объявлением Новгорода своей наследственной вотчиной⁶.

Когда посол (Никита Ларионов/Савин) вернулся в Новгород с ответом великого князя, в городе начались волнения, которые не позволили Феофилу поехать в Москву. Собравшись на вече, люди кричали: «Не хотим за великого князя Московъского, ни зватися отчиною его. Волныи есмы люди Велики Новѣгород, а Московской князь велики многи обиды и неправду над нами чинит, но хотим за короля Польскаго и

⁶ В дальнейшем по той же логике московский митрополит Филипп в своих увещательных грамотах в Новгород (первой половины 1471 г.) убеждает новгородцев сохранять православие, соблюдая верность великому князю московскому как своему «отчичу и дедичу» [АИ, I, № 508: 512–513; РИБ, VI, № 102: стлб. 723, 730]. То и другое оказывается прямо и непосредственно связанным: признание Ивана III «отчичем и дедичем» выступает здесь как условие правильного (православного) вероисповедания. См.: [Успенский 2021а: 242–243].

великого князя Литовского Казимера». Сторонников литовской партии было, по-видимому, большинство⁷, и на вече было решено, что архиепископ должен быть поставлен не в Москве (митрополитом Филиппом), а в Киеве (митрополитом Григорием); оба митрополита именовались митрополитами «всая Руси», но Григорий к тому же назывался еще и «киевским», так как в Киеве находилась его кафедра⁸. Поскольку Феофил, видимо, не готов был отказаться от поездки в Москву, Пимен, один из кандидатов в архиепископы, заявил, что готов ехать в Киев для поставления: «Хотя на Киев мя пошлете, и тамо аз на свое поставлене еду» ([ПСРЛ, VI, 1853: 6; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 187; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 152; ПСРЛ, XX/1, 1910: 287; ПСРЛ, IV/2, 1925: 503; ПСРЛ, XLIII, 2004: 192]; слово *хотя* означает здесь: ‘если вам будет угодно’); рассказ о Пимене содержится в так называемых «Словесех избранных...», московском трактате о новгородских событиях 1471 г.⁹ Это предложение было отвергнуто, и с Пименом жестоко расправились [ПСРЛ, V/2, 2000: 172–173]; о причинах расправы в летописи прямо не говорится, но очевидно, что он был обвинен в стремлении захватить святительский престол.

⁷ Ср. в Типографской летописи: «ови бо хотяху за великого князя, ини же мнози за короля» [ПСРЛ, XXIV, 1925: 189].

⁸ Наименование «митрополит Киевский и всая Руси» соответствует полному титулу русских митрополитов до автокефалии Русской церкви (находившихся в юрисдикции патриарха Константинопольского); одновременно они могли именоваться «митрополитами всая Руси» — таков был их краткий титул. Митрополит Иона, поставленный в 1448 г. епископами Московской Руси без санкции Константинополя, не называл себя «киевским» до официального признания в Литве в 1450–1451 гг., после чего он становится, подобно своим предшественникам, «митрополитом Киевским и всая Руси». С появлением в Литве митрополита Григория эпитет *киевский* в титуле митрополита Ионы оказывается номинальным. Соответственно, преемник Ионы, митрополит Феофан Бывальцев, именуется «митрополитом всая Руси», и такой же титул носят все последующие этого митрополиты, возглавляющие Русскую автокефальную церковь (не подчиняющиеся Константинополю). Таким образом наименование «митрополит всая Руси», бывшее ранее кратким вариантом титула общерусских митрополитов, становится принятым титулом главы Русской церкви. См.: [Успенский 1998: 223, 233].

⁹ «Словеса избранные...» дошли до нас в составе летописей — Второй Софийской [ПСРЛ, VI, 1853: 1–15; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 177–208; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 149–158], Львовской [ПСРЛ, XX/1, 1910: 283–296], Четвертой Новгородской [ПСРЛ, IV/2, 1925: 498–513] и Новгородской по списку Дубровского [ПСРЛ, XLIII, 2004: 188–199]. Полное название трактата: «Словеса избранна от святых писаний о правде и о смиренномудрии, еже сотвори благочестия делатель, благоверный великий князь Иван Васильевич всая Руси, и ему же похвала о благочестивей вере, даже до величавых мужей Новгородских, ихже смири Господь Бог и покори под руку его, он же благочестивый и смиловася о них Господа ради и утиши землю их». Выражение «величавые мужи Новгородские» — по-видимому, насмешка над новгородцами, которые называют себя «вольными мужами» (или «вольными людьми») (ср. ниже, §§ 1–3).

Мы не знаем, было ли отправление Никиты Ларионова/Савина в Москву после избрания Феофила санкционировано вечем¹⁰. Судя по реакции новгородцев на послание великого князя, это не кажется вероятным. По-видимому, это была инициатива промосковской партии, которая хотела обеспечить таким образом поставление новгородского владыки в Москве. Представителям этой партии было, несомненно, известно об антимосковских настроениях в Новгороде, и они, может быть, попытались предупредить возможное развитие событий.

§ 2. Вслед за рассказом о антимосковских настроениях летописи сообщают о решении отправить к королю Казимиру IV послов; по-видимому, это было решение новгородского веча:

Злодѣици же онии, противници сътворше себѣ православию, Бога не боащеса, и посол свои [вариант: *послы свои*. — Б. У.] послаша к королю с поминки многими, Панфила Селивонтова [т. е.: Селифонтова. — Б. У.]¹¹ да Кирила Иванова сына Макариина, глаголюще:

“Волныи есмы люди Великыи Новѣгород, бьемъ челом тебѣ, честному королю, что бы еси государь [читай: *господарь* (вариант: *государю*, читай: *господарю*). — Б. У.]¹² нашему Великому Новугороду и нам господинъ был. И архиепископа вели нам поставити своему митрополиту Григорью и князь нам дай из своее дрѣжавы”.

Король же приать дары ихъ с любовью и рад бывать рѣчем ихъ и, много чтив посла их, отпусти к ним со всеми тѣми речми, чего хотѣли [т. е.: с теми словами,

¹⁰ Обращает на себя внимание в этой связи, что к великому князю был послан человек не слишком знатного происхождения. В 1475 г. во время поездки в Новгород Иван III отказался принять Никиту Ларионова (Савина), сославшись на его низкий социальный статус. Ср.: «И въ той день [21 ноября, Введение Богородицы. — Б. У.] князь велики прѣѣхалъ на Городище и обѣдно слушалъ у Благовѣщенія и ѣлъ у себе. Владыка же прислалъ къ дворецкому и къ конюшему Никиту Савина да Тимоѣя Лунева брата кормы отдавати; и князь велики тѣхъ не похотѣлъ, да и на владыку о томъ озлобился, что тѣ къ тому дѣлу непригожи, да и корму взяти не велѣлъ; архіепископъ же добиль челом о томъ великому князю бояры его [т. е.: через бояр великого князя. — Б. У.], а велѣлъ кормъ отдавати намѣстнику своему Юрью Репехову, а тѣ съ нимъ же в поддатнѣхъ [т. е.: в помощниках. — Б. У.], и князь велики нелюбие владычѣ отложилъ и пожаловалъ, кормы велѣлъ имати» [ПСРЛ, VI, 1853: 201–202; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 244; ПСРЛ, XII, 1901: 161; ПСРЛ, XX/1, 1910: 315].

¹¹ *Селифонт* представляет собой форму имени Силуян/Сильван/Селифан, сблизившуюся с именем Ксенофонт.

¹² Слово *государь* в изданиях, на которые мы ссылаемся, во всех случаях воспроизводит слово *господарь*. Слово *государь* в рассматриваемый период не существовало (оно появляется не ранее середины XVI в.). Публикаторы передают таким образом сокращенную форму гдѣрь или гѣдѣрь, которая в текстах, относящихся к этому времени, должна раскрываться только как *господарь*. См.: [Золтан 2002; Idem 2014: 46–72]; ср. также: [Успенский 2020: 167–168 (примеч. 6); Idem 2021: 26; Idem 2023: 9–13].

которые участники посольства хотели от него услышать. — Б. У.]¹³, и князя посла къ ним Михаила Олелкова сына Киевъскаго [Михаила Александровича, сына киевскаго князя Александра (Олелька) Владимировича. — Б. У.]. Новогородци же приаша его честнѣ. Намѣстниковъ же князя великаго не сослаша з Городища, а что был у них князь Василей Горбатого, брат Суздальских князей [князь Василий Васильевич Шуйский Гребенка. — Б. У.], а того послаша въ Заволочье в заставу на Двину

[ПСРЛ, XXV, 1949: 285; то же: ПСРЛ, VIII, 1859: 160; ПСРЛ, XII, 1901: 126; ПСРЛ, XVIII, 1913: 226; ПСРЛ, XXVI, 1959: 232; ПСРЛ, XXVII, 1962: 130; Иоас. лет.: 64]¹⁴.

О посольстве Памфила Селифонтова и Кирила Иванова, сына Макарына, говорится и в «Словесех избранных...» (московском трактате, о котором мы упоминали выше, см. § 1):

...королю вся отдавающе, да с темъ къ нему послаша своихъ, Памѣиля Селифонтова да Кирила Иванова сына Макарына, и с великимъ челобитиемъ да и со многими дары, пишучи да и зовучи его: “честныи король, господине нашъ”

[ПСРЛ, IV/2, 1925: 510; аналогично: ПСРЛ, VI, 1853: 12; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 201; ПСРЛ, XX/1, 1910: 293; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 155; ПСРЛ, XLIII, 2004: 196]; см. подробную цитату ниже, § 3].

Ср. пересказ этих событий во Львовской летописи:

Того же лѣта [6979 г. — Б. У.], непокаряющимся Новугородцомъ великому князю и въ воли его быти не хотящимъ, но отай великаго князя послашася х королю, и грамоты докончальныя даша на себе; да и владыку хотяху въ Киевѣ ставити, и князя Михаила Оленкова себѣ взяша

[ПСРЛ, XX/1, 1910: 282]¹⁵.

Обращает на себя внимание различие *господарь* — *господарю* в обращении новгородцев к королю, цитируемом в московских

¹³ Ср. *посольская речь* ‘слова, передаваемые устно с послом’ [СлРЯ XI–XVII вв., XXII: 152].

¹⁴ К Михаилу Олельковичу перешли обязанности, которые ранее были возложены на князя Василия Гребенку, прежде всего защита города от внешних врагов. Городище было официальной великокняжеской резиденцией (см.: Никитский 1869: 296–298; Янин 2008: 282)].

¹⁵ Ср. также в ростовской Типографской летописи: «“И сняхся посадници на вѣчь и Новгородцкые бояре вѣчници и крамолници и соуровии чловѣци и вси Новгородци и послаша к океанному Ляху и Латынину кралоу Казимиру Литовскому, дабы за нимъ имъ жити и ему дань давати и прося оу него себе князя, и к митрополиту Григорью, такому же Латынину, прося оу него себѣ епископа. Земстии же людие того не хотяху, но они, ихъ не слоушающе, оуладишася с королемъ. Король же дасть имъ князя Михаила Олелковича Киевскаго, князь же Михайло въеха в Новгородъ, и приаша его Новгородци с великою чествоу, а князю Василью тогда оу нихъ, Шуйскому, живущу, и даша ему Заволоскою землю”» [ПСРЛ, XXIV, 1921: 188–189]. Близкий текст находим во Второй Софийской летописи [ПСРЛ, VI, 1853: 191; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 170], которая содержит явные вставки из Типографской (см.: [Лурье 1991: 147]).

великокняжеских летописях. В Московском летописном своде, Никоновской и Иоасафовской летописях это слово представлено в именительном падеже и вся фраза читается «что бы еси *государь* [читай: *господарь*. — Б. У.] нашему Великому Новгороду и нам господинъ был» [ПСРЛ, XXV, 1949: 285; ПСРЛ, XII, 1901: 126; Иоас. лет.: 64]. В Воскресенской, Вологодско-Пермской и Никаноровской летописях оно стоит в дательном падеже, и мы имеем чтение «что бы еси *государю* [читай: *господарю*. — Б. У.] нашему Великому Новгороду и намъ господинъ былъ» [ПСРЛ, VIII, 1859: 160; ПСРЛ, XXVI, 1959: 232; ПСРЛ, XXVII, 1962: 130]¹⁶. В Симеоновской летописи здесь также читается *государь* (т. е. *господарь*), но в разночтениях к ней по сходным спискам находим *государю* (т. е. *господарю*) [ПСРЛ, XVIII, 1913: 226]. В первом случае слово *господарь* относится к королю Казимиру, во втором — к Великому Новгороду. Полагаем, что правильным (прототипическим) чтением должно быть чтение в дательном падеже: король призывается быть господином *господарю* Великому Новгороду и всем новгородцам. Это отвечает как употреблению слова *господарь*, которое применяется в это время новгородцами к своему городу и не применяется по отношению к великому князю, так и употреблению слова *господин*: именно таким образом — словом *господин* — новгородцы именовали великих князей (см.: [Каштанов 2003: 308; Успенский 2021: 25, 29])¹⁷. Оба слова означают властителя, повелителя, но смысл их разный: *господин* владеет вольными людьми, *господарь* — холопами¹⁸. Не случайно новгородцы в переговорах с Казимиром называют себя *вольными людьми*: это отношение вассала и господина (но не холопа и *господаря*): «Волны есмы люди Великыи Новъгород, бьемъ челом тебѣ, честному королю, что бы еси *господарю* нашему великому Новгороду и нам *господин* былъ»¹⁹. Итак, ко-

¹⁶ В издании Воскресенской летописи, на которую мы ссылаемся, напечатано: *государь* нашему великому Новгороду (со словом *государь* в именительном падеже), но в примечании отмечено, что во всех списках стоит не *государь*, а *государю* (в дательном падеже). Исправление *государю* на *государь* принадлежит А. Ф. Бычкову.

¹⁷ При этом король Казимир, вообще говоря, именовался *господарем*: таков был титул великих князей Литовских (см.: [Золтан 2002: 556–557]); новгородцы называют свой город так, как называет себя Казимир. Таким образом, наименование города (*господарь Великий Новгород*) оказывается здесь противопоставленным титулу короля.

¹⁸ Наименование великого князя *господарем*, а не *господином* означает в рассматриваемый период признание его неограниченной власти: с XIV в. название *господарь* приурочивается к лицу, владеющему несвободными людьми, тогда как слову *господин* приписывается власть над людьми свободными (см.: [Владимирский-Буданов 1906: 148, примеч. 1; ср.: Лакиер 1847: 101–103]).

¹⁹ Ср. начало грамоты сибирского хана Кучума к Ивану Грозному (1570 г.), содержащее invocatio, интитуляцию и инскрипцию: Бѣъ вогагъъ. Волнои члѣкъъ Кочюмъ Цръ, Великии Князь Бѣлои Цръ [СГГД, II, № 42: 52].

роль Казимир приглашается быть господином «вольных людей», новгородцев, и «господаря Великого Новгорода». Выше мы видели, что так же называют себя на вече новгородцы, приверженцы литовской партии: «Волныи есмы люди Велики Новъгород, а Московской князь велики многы обиды и неправду над нами чинит» (см. § 1).

Остановимся еще на одном разночтении. Во всех летописях, кроме Воскресенской, читается фраза «Злодѣици [...] *посол свои* послаша», где сочетание *посол свои* представляет собой форму винительного падежа единственного числа. Между тем по смыслу это сочетание относится как будто к двум людям: Памфилу Селифонтову и Кириллу Иванову. В Воскресенской летописи в одном списке (Парижском) мы находим форму множественного числа: «Злодѣици [...] *послы свои* послаша»; в других списках (Синодальном и Карамзинском) представлена форма единственного числа: *посол* [ПСРЛ, VIII, 1859: 160]. Очевидно, это позднейшее исправление: писец Парижского списка исправил форму единственного числа на форму множественного, исходя из смысла текста. И далее во всех летописях (в том числе и в Парижском списке Воскресенской летописи!) слово *посол* фигурирует в форме единственного числа: «Король [...] много чтивъ *посла ихъ* отпусти». Здесь, по-видимому, какая-то путаница, восходящая к протографу цитируемых летописей: с одной стороны речь идет о посольстве к королю, состоящем из двух человек (Памфила Селифонтова и Кирилла Иванова), с другой же стороны — о каком-то безымянном после. Следует предположить, что посольство к королю не состояло из двух только человек, упоминаемых в летописи (Памфила Селифонтова и Кирилла Иванова): был какой-то посол, которого они, по-видимому, сопровождали. Равным образом, по всей вероятности, были и другие члены посольства, не названные в дошедших до нас летописных списках. Памфил Селифонтов и Кирилл Иванов были, возможно, инициаторами посольства, его движущей силой, но было бы странно думать, что к королю были отправлены всего лишь два человека, не занимавшие высоких административных постов: по своему социальному статусу они относились к житейным людям (см. ниже, § 3). Вообще посольство такого уровня состояло обычно из посадников и житейх²⁰; здесь же названы только житеи.

§ 3. До нас дошла договорная грамота («докончание») Новгорода с королем Казимиром, составленная от имени нареченного архиепископа Феофила, новгородских степенного посадника, степенного тысяцкого

²⁰ Ср. выразительную формулировку в договорной грамоте Казимира, великого князя Литовского, с Великим Новгородом 1440–1447 гг.: «А приѣхалѣ от Новагорода Есиф Васильевичь, сынъ посадничь, а от житейхъ Тимофий Ивановичь» [ГВНП, № 70: 115].

«и от всего Великаго Новагорода мужей волных» [ГВНП, № 77: 129–132; см.: Черепнин, I: 363–369]; грамота была написана не ранее середины марта и не позднее середины мая 1471 г. (см.: [Янин, 1991, № 110: 188]). Здесь фигурируют имена Памфила Селифонтова и Кирилла Иванова, т. е. тех людей, которые, согласно московским летописям, были отправлены к королю Казимиру; они определяются здесь как житьи люди²¹. Эта грамота во многом соответствует тому, о чем говорится в летописи: так же, как и в летописи, в ней говорится о посольстве к королю, отправленном после смерти архиепископа Ионы и наречения Феофила, и при этом называются одни и те же участники посольства (Памфил Селифонтов и Кирилл Иванов); как и в летописи, новгородцы называют себя *вольными* людьми («от всего Великаго Новагорода мужей волных», «докончяль есми с ним миръ и со всѣмъ Великимъ Новымъгородомъ, с мужи волными», «а держати тебѣ, честны король, Велики Новгородъ в воли мужей волныхъ»). Как явствует из грамоты, посольство состояло из шести человек, а именно, из двух посадников (Афанасия Остафьевича Груза и Дмитрия Исаковича Борецкого), посадничьего сына (Ивана Кузмина) и четырех житьих (Памфила Селифонтовича, Кирилла Ивановича, Якима Яковлевича, Якова Зиновьевича и Степана Григорьевича). Таким образом, посольство было гораздо более представительным, чем это выглядит в летописи: оно не состояло только из житьих людей. Приведем начало грамоты:

Се язъ честны король полскіи и князь великі литовскіи докончяль есми миръ с нареченнымъ на владыцтво съ Феофіломъ, и с посадники новгородцкіми, и с тысяцкими, и з бояры, и съ житьими, и с купці, и со всѣмъ Великимъ Новымъгородомъ. А приѣхаша ко мнѣ послове от нареченаго на владыцтво Феофила, и от посадника степенного, и от тысяцкого степенного Васіля Максимовича, и от всего Великаго Новагорода мужей волныхъ посадникъ новгородцкіи Офонос Остафьевичъ, посадникъ Дмитрей Исаковичъ и Иванъ Кузминъ, сынъ посадничъ, а от житьихъ Панфілеи Селіфонтовичъ, Кіріло Ивановичъ, Якимъ Яковличъ, Яковъ Зиновьевичъ, Степанъ Григорьевичъ. Докончял есми с ними миръ и со всѣмъ Великимъ Новымъгородомъ, с мужи волными. А держати ти, честны король, Великі Новъгородъ на сеи на крестной грамотѣ

[ГВНП, № 77: 130].

²¹ Из грамоты видно, между прочим, что наименования *Селифонтов* и *Иванов* являются отчествами: речь идет, таким образом, о Памфиле Селифонтовиче и Кирилле Ивановиче, сыне Ивана Макарьевича. Памфил Селифонтович, сын Селифонта Твердиславича, — лицо, довольно известное в Новгороде (см. перечень упоминаний о нем: [Янин 1981: 219, 248, 258, 261, 266, 359]). Кирилл Иванов, сын Макарьин, был среди тех, кто встречал Ивана III во время похода великого князя на Новгород в ноябре 1475 г. [ПСРЛ, VI, 1853: 201; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 243; ПСРЛ, XX/1, 1910: 314; ПСРЛ, XII, 1901: 160].

Отметим, что ни король, ни степенный посадник не названы в грамоте по имени; кроме того, здесь не проставлена дата. Очевидно, перед нами черновая список или какая-то несовершенная копия²². Степенным посадником в это время, по-видимому, был Тимофей Остафьевич (Евстафьевич)²³, брат посадников Афанасия Остафьевича Груза и Кузьмы Остафьевича; сын Кузьмы Остафьевича (Иван Кузмин) вместе со своим дядей, Афанасием Остафьевичем, упоминается в нашей грамоте как один из послов²⁴. Таким образом, посольство в значительной степени было представлено членами одной семьи — посаднической династии Грузовых, называемых так по родству с Афанасием Остафьевичем. Афанасий Остафьевич Груз, старый посадник, имя которого стоит первым в перечне послов, по-видимому, возглавлял посольство.

Как сообщается в «Словесех избранных...» (трактате, который мы цитировали выше, см. §§ 1 и 2), списки договорных грамот Новгорода с королем Казимиром были захвачены москвичами «в кошевых вьюках» после победы в Шелонском сражении (14 июля 1471 г.); тогда же был схвачен и писавший их человек, имя которого, к сожалению, осталось неизвестно:

обретоша в кошевыхх вьюцехъ у нихъ [новгородцев. — Б. У.] списки, в нихже быше писанно с королемъ Новгородское докончание; они же [москвичи. — Б. У.], сия видѣвше, подивившася [...] А списки Новгородския, что кончали с королемъ, да и того же челоуѣца обретше у себе же, кто ихъ писалъ, с ними же вмѣсте послаша к великому князю на обличение онѣхъ лукавыхъ мужей Новгородцкихъ. Егда же сия услышавъ благочестивый князь великий Иванъ Васильевичъ всея Руси, и возрадосая зѣло о неизреченнѣмъ и велицемъ Божіи милосердіи и о поданнѣи ему отъ Бога свѣше помощи на лукавыхъ супостатъ его, и воздавъ хвалу Богу и пречистой его Богоматере, еже не попустиша отступникомъ лукавымъ на злую и неподобную мысль, и на развращения святыя церкви, и на смятение великихъ земель, и на вражду промежь великихъ государей [читай: *господарей*. — Б. У.] и на пагубу всего православия; къ сему же ещо

²² Было высказано предположение, что данная грамота представляет собой проект договора, не получившего одобрения короля (см.: [Парее 1904: 36–40]; ср. критические замечания К. В. Базилевича: [Базилевич 1952: 92–93]). В заключительной части грамоты содержится предложение королю целовать крест и указание на то, что новгородцы уже это сделали: «А на томъ на всемъ, честны король, крестъ *цѣлуи* ко всему Великому Новгороду [...]. А новгородскіе послове *цѣловаша* крест новгородскою душею...» [ГВНП, № 77: 132]; см.: [Черепнин, I: 364–365].

²³ Коростынский договор Новгорода с Иваном III от 11 августа 1471 г. называет (степенного) посадника Тимофея Остафьевича и (степенного) тысяцкого Василья Максимовича [ГВНП, № 26: 45]: мы видим здесь то же сочетание, что и в нашем договоре. О Тимофее Остафьевиче см.: [Янин 2003: 379, 381].

²⁴ Иван Кузьмич Грузов был зятем известного посадника Захарии Григорьевича Овина (Овинова). См.: [Янин 1991: 57, 70].

узри написание грамотъ ихъ, еже имъ бѣяше с королемъ докончание, и видѣ в немъ написание, что же города и волости его государева [читай: *господарева*. — Б. У.] великого княжения, и земли и воды, что пошлины его в Великомъ Новѣгородѣ извечные, то все Новгородцы, на своихъ докончальныхъ спискахъ написавше, королю вся отдавающе, да с темъ къ нему послаша своихъ, Памѣѣиля Селиѣонтова да Кирила Иванова сына Макарьина, и с великимъ челобитиемъ да и со многими дары, пишучи, да и зовучи его: “честныи король, господине нашъ”. [...] Егда же з бою приведени быша мужие Новгородсти къ великому князю, иже благочестивый богомудрене обличи лукавыя о всѣхъ дѣлехъ и нечестия ихъ, како они и свѣта благочестия отступающе, к Латыномъ приступающе, а будучи его отчина великого князя, да сами како отдавахуся королю Латынскому государю [читай: *господарю*. — Б. У.], а на спискахъ докончания ихъ какъ города и волости его великаго княжения Московскаго, и земли и воды, и вси его в Новѣгороде пошлины, все королю отписаша, по своему съ нимъ докончанию

[ПСРЛ, IV/2, 1925: 509–510; аналогично: ПСРЛ, VI, 1853: 11–12; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 200–202; ПСРЛ, XX/1, 1910: 293–294; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 155–156; ПСРЛ, XLIII, 2004: 196–197].

Мы снова встречаем здесь имена Памфила Селифонтова и Кирилла Иванова; при этом упоминается их обращение к королю Казимиру «честныи король, господине нашъ», которое приводится в московских великокняжеских летописях (см. выше, § 2) и которое отсутствует в дошедшей до нас договорной грамоте. Важно отметить, что здесь «говорится не о списке, а о списках, т. е., по-видимому, о наличии не менее двух докончаний с Казимиром IV» [Янин 1991: 188].

Список договорной грамоты Новгорода с королем Казимиром дошел до нас в единственном экземпляре в составе сборника новгородских и двинских грамот, хранящегося в Российской национальной библиотеке (под шифром О.IV.14, л. 27–27об.) и детально исследованного Л. В. Черепниным [Черепнин, I: 334–354]. Как установил Л. В. Черепнин, «этот сборник был составлен по частям в Москве между 1471 и 1476 гг. на основании той документации, которая оказалась в это время в руках московского правительства. Подбор в нем документов совершенно определенно устанавливает политическую цель сборника. Готовясь к походу на Новгород в 1471 г., Ивану III важно было иметь обвинительные материалы, устанавливавшие нарушение новгородцами прежних “докончаний” с великими князьями и оправдывавшие наступательные действия со стороны Москвы (Яжелбицкий договор и другие). В это время одна из основных улик в измене новгородцев — докончательная грамота с королем — еще не была известна Ивану III. Получив ее в свое распоряжение благодаря случайной находке, составители сборника сделали ее центральной частью следующей группы документов,

которые должны были оправдать дальнейшие действия великого князя в отношении Новгорода» [Базилевич 1952: 92–93]; см. подробнее: [Черепнин, I: 335–336, 340–341, 349–350]²⁵.

В результате «мы располагаем не подлинной грамотой, которая, вероятно, была своевременно уничтожена, так как компрометировала ряд руководящих лиц в Новгороде, и даже не списком, найденном в “кошевом вьюке”, а только копией с этого списка, включенной в сборник новгородских грамот» [Базилевич 1952: 92]. Это объясняет черновой или, точнее сказать, несовершенный характер рукописи, в частности, отсутствие даты и пропуски некоторых имен.

О поставлении новгородского архиепископа в нашей грамоте говорится в обтекаемой форме: оговаривается право Великого Новгорода ставить владыку там, где он находит нужным. Поскольку Новгород, согласно данной грамоте, переходит под патронат короля Казимира, эта формулировка означает, по-видимому, что новгородцы оговаривают возможность ставить архиепископа в Москве. Так, Феофил, от имени которого заключался договор с королем, по всей вероятности, предполагал быть поставленным именно в Москве, а не в Киеве. Власть Казимира не распространяется на церковные дела (то, на что претендует Иван III). Судя по всему, такова именно была позиция Феофила, от имени которого заключался договор с королем: вассальное подчинение при сохранении полной конфессиональной независимости; Новгород может быть под опекой короля, но под омофором московского митрополита «всая Руси»²⁶. Как писал Е. Е. Голубинский, «оставаясь верными православию, они [новгородцы. — Б. У.] формальным образом отдались в покровительство короля, заключив с ним договор» [Голубинский, II/1: 538]. Ср.:

²⁵ При этом, как доказал Л. В. Черепнин, новгородский архив в 1471 г. не попал в руки Ивана III (см.: [Черепнин, I: 334, 353; Базилевич 1952: 93, примеч. 1]). Предполагается, что он был своевременно уничтожен новгородским боярским правительством. Тем большую ценность представляла для Ивана III договорная грамота, захваченная в качестве трофея после Шелонской битвы.

Позднее, зимой 1478 г., в Новгороде были найдены еще какие-то окончательные грамоты «с великими князи с Литовскими и с королем» [ПСРЛ, XXV, 1949: 322]; они не сохранились.

²⁶ Типографская летопись говорит об аресте Феофила в 1480 г.: «Не хотяше бо той владыка, чтобы Новгородъ былъ за великимъ княземъ, но за королемъ или за инымъ государемъ [читай: *господаремъ*. — Б. У.]» [ПСРЛ, XXIV, 1921: 198]. Вполне вероятно, что одной из причин ареста Феофила была договорная грамота 1471 г., где значится его имя.

Для характеристики Феофила показательно, вместе с тем, что во время Шелонской битвы 14 июля 1471 г. его воины не сражались с войсками великого князя: «а коневая рать не пошла к пѣшей рати на срокъ в пособіе, зане же владычнъ стягъ не хотяхоу оударитися на княжу рать, глаголюще: “владыка намъ не велѣлъ на великого князя руки подынути, послалъ насъ владыка на Пьсковичъ”» [ПСРЛ, IV/2, 1925: 446].

А держати тебѣ, честному королю, своего намѣстника на Городище от нашей вѣры от греческой, от православнаго хрестыянства. [...] А судити ему в правду по крестному цѣлованью, всѣхъ равно. [...] А у нас тебѣ, честны король, вѣры греческіе православные нашей не отымати. А гдѣ будетъ намъ, Великому Новгороду, любу в своемъ православномъ хрестыянствѣ [т. е.: по нашему православному обычаю. — Б. У.], ту мы владыку поставимъ по своей воле. А римскихъ церквей тебѣ, честны король, в Великомъ Новѣгородѣ не ставити, ни по пригородомъ новгородскимъ, ни по всеи земли Новгородской

[ГВНП, № 77: 130–132].

Особого внимания заслуживает фраза о наместниках. В московских великокняжеских летописях, которые мы цитировали выше, говорится, что после приезда в Новгород князя Михаила Олельковича, великокняжеские наместники остались на Городище («намѣстниковъ же князя великого [Московского. — Б. У.] не сослаша з Городища»); теперь же, по-видимому, они должны быть заменены королевским наместником.

Основной смысл договора заключается в том, что «сложившаяся почти за два столетия новгородская “пошлина” в отношениях между Новгородом и русскими князьями по этому договору переносилась на великого князя Литовского» [Базилевич 1952: 97]. При этом гарантируется защита Новгорода от посягательств Ивана III:

А поидеть князь великі московскій на Велики Новѣгородъ, или его сынъ, или его братъ, или которую землю подыметь на Велики Новѣгородъ, ино тебѣ нашему господину честному королю всѣсти на конь за Велики Новѣгородъ и со всею съ своею радю литовскою противъ великого князя, и боронити Велики Новѣгородъ. А коли, господине честны король, не умиривъ Великого Новогорода с великимъ княземъ, а поѣдешъ в Лятцкую землю или въ Немецкую, а бес тебе, господине, поидеть князь великі, или его сынъ, или его братъ, или кою землю подоиметь на Велики Новѣгородъ, ино твои радѣ литовской всѣсти на конь за Велики Новѣгородъ, по твоему крестному цѣлованію, и боронити Новогородъ

[ГВНП, № 77: 130].

Заключительная клаузула грамоты выглядит таким образом:

А держати тебѣ, честны король, Велики Новѣгородъ в воли мужей волныхъ, по нашей старинѣ и по сей крестной грамотѣ. А на томъ на всемъ, честны король, крестъ цѣлуй ко всему Великому Новгороду за все свое княжество и за всю раду литовскую, в правду, без всякого извѣта. А новгородскіе послове цѣловаша крест новгородскою душею къ честному королю за весь Велики Новѣгородъ в правду, без всякого извѣта

[ГВНП, № 77: 132].

§ 4. Как видим, дошедшая до нас договорная грамота Новгорода с королем Казимиром лишь отчасти соответствует тексту обращения новгородского посольства к Казимиру, который цитируется в летописи (см.

выше, § 2). Принципиальное отличие заключается прежде всего в вопросе о поставлении новгородского архиепископа: в летописном известии новгородцы предлагают королю, чтобы по его повелению архиепископ был поставлен в Великом княжестве Литовском митрополитом Григорием; между тем в дошедшей до нас грамоте новгородцы настаивают на праве ставить архиепископа там, где будет любо Великому Новгороду. Иначе, как мы видели, решается здесь и вопрос о наместниках: в летописи после соглашения с королем наместники московского великого князя остаются на Городище, традиционной великокняжеской резиденции; в договорной грамоте на их месте появляется королевский наместник (православного вероисповедания).

Эти отличия между летописным известием и дошедшим до нас договором становятся понятными, если иметь в виду хронологическое несоответствие, на которое в свое время обратил внимание К. В. Базилевич и которое убедительно объяснил затем В. Л. Янин.

В летописном повествовании рассказ о посольстве к королю Казимиру является логическим завершением целой последовательности событий, связанных между собой причинно-следственными связями: смерть архиепископа Ионы (5 или 8 ноября 1470 г.), избрание на его место Феофила (15 ноября 1470 г.), отправление в Москву посла Никиты Ларионова/Санина с извещением об избрании Феофила и с просьбой о его поставлении, ответ Ивана III и, наконец, возмущение новгородцев, которые не хотят быть отчиной великого князя Московского и предлагают ставить архиепископа (Филофея) в Литовской Руси у митрополита Григория. Эту цепочку событий, изложенных в хронологической последовательности, завершает сообщение о миссии Памфила Селифонтова и Кирилла Иванова, которые просят короля поставить в Новгород архиепископа и прислать им князя «из своей державы»; удовлетворяя этой просьбе, говорит летописец, король присылает в Новгород князя Михаила Олельковича.

Все эти события вытекают одно из другого, но в последнем звене этой цепочки обнаруживается хронологическое несоответствие или своего рода временной сдвиг. В самом деле, как отметили Базилевич и Янин, посольство к королю, в результате которого в Новгороде появляется князь Михаил Олелькович, должно было предшествовать всей совокупности перечисленных событий, а не следовать за ними [Базилевич 1952: 91; Янин 1991: 188]; см. также: [Алексеев 2018: 149–150]²⁷. По

²⁷ Ср. в «Словесех избранных...»: «Новгородстїи людіе [...] лжуще своему государю [читай: *господарю*. — Б. У.] великому князю, да сами зыскаша собѣ Латыньскаго держателя государемъ [читай: *господаремъ*. — Б. У.], а преже того и князя собѣ у него же взяша в Великіи Новѣградъ, Кїевскаго князя Михаила Олександровича, и держаша его у собе время довольно, чиняще тѣмъ грубость государю [читай:

достоверным указаниям летописи, Михаил Олелькович, «ис королевы роуки новгородци испросень», приехал в Новгород 8 ноября 1470 г. (в Михайлов день, т. е. на свои именины) — на третий день после смерти архиепископа Ионы или в самый день его кончины (в зависимости от того, как мы определяем день смерти архиепископа) — и оставался там до 15 марта 1471 г.²⁸ Переговоры о его приглашении должны были вестись, следовательно, еще при жизни архиепископа Ионы; несомненно, они велись с его благословения.

Московские великокняжеские летописи сообщают о посольстве к королю Казимиру с участием Памфила Селифонтова и Кирилла Иванова; такое же указание содержится и в «Словесех избранных...» (см. выше, § 2). Эти два имени, как мы видели, фигурируют и в составе посольства к королю, отправленного в первой половине 1471 г. от имени нареченного архиепископа Феофила, о котором говорится в договорной грамоте (см. § 3). По логике изложения, летописец должен был бы иметь в виду именно это последнее посольство; между тем он цитирует текст, относящийся к другому, более раннему посольству (посольству с просьбой прислать в Новгород князя из Литвы), отправленному еще до наречения Феофила.

Как показал В. Л. Янин, было два новгородских посольства к королю, которые оказались смешаны в повествовании [Янин 1991: 188]²⁹. Одно посольство было отправлено при архиепископе Ионе (до ноября

господарю. — Б. У.] великому князю» [ПСРЛ, VI, 1853: 5; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 185; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 151; ПСРЛ, XX/1, 1910: 286; ПСРЛ, IV/2, 1925: 502; ПСРЛ, XLIII, 2004: 191].

²⁸ «Того же месяца въ 8 день [8 ноября 1470 г. — Б. У.] приехалъ в Новѣгород на столъ князь Михаило Олелковичъ князен киевскихъ ис королевы роуки новгородци испросень, а с ним на похвалу людей много силно; и новгородци ѿ приаше честно. Того ж месяца въ 15 день посадники новгородскии и тысяцкии и всь Великой Новѣгород, оу святого Софеа поставя вече предъ святымъ Софеемъ, и положиши 3 жеребѣи на престолъ оу святѣи Софеи [...] и ошаше на престолъ жребеи Фифилактов [sic! читай: *Феофилов*. — Б. У.] [...] и всь Великой Новѣгород [...] нарекше ѿ преосвященнымъ архиепископомъ» [ПСРЛ, V/2, 2000: 172]. Ср.: «Того же месяца въ 15 день [15 марта 1470 г. — Б. У.] выеха из Новагорода князь Михаилъ Киевскы, а поеха на Киевъ, на свою вотчину; а былъ в Новѣгородѣ 4 месяца и 8 дней» [Ibid.: 175]. В других летописях та же последовательность событий передается без указания дат: «Того же лѣта [6979 г. — Б. У.] преставися владыка Иона; и тое осени приѣхалъ в Новѣгородъ князь Михаило Александровичъ из Литвы; и тое осени поставиша нареченнаго на владычество Феофила мѣсяца ноеврия 15» [ПСРЛ, IV/2, 1925: 457].

²⁹ Я. С. Лурье не согласился с этим выводом: «О двукратных соглашениях новгородцев с Казимиром ни один источник ничего не говорит; очевидно, речь идет об одном и том же соглашении, по-разному датированному в «Словесах» и в великокняжеской летописи» [Лурье 2021: 189]. Это возражение не выдерживает критики. Молчание источников вообще не является аргументом (в противном случае была бы в принципе невозможна историческая реконструкция событий). Вместе с тем, достаточно сопоставить содержание переговоров с Казимиром в 1470 и 1471 г., чтобы убедиться в том, что речь идет о разных посольствах.

1470 г., по-видимому, летом этого года), другое при нареченном архиепископе Феофиле (в первой половине 1471 г.); при этом приглашение прислать из Литвы наместника «нашей веры», которое содержится в дошедшей до нас договорной грамоте, может быть тем или иным образом связано с отъездом из Новгорода князя Михаила Олельковича 15 марта 1471 г.³⁰ В обоих посольствах участвовали, по-видимому, Памфил Селифонтов и Кирилл Иванов, и это могло способствовать путанице. Описывая первое посольство, летописец называет только эти два имени, но трудно себе представить, чтобы посольство к королю по столь важному вопросу (с просьбой взять Новгород под свое покровительство, поставить архиепископа и прислать князя) состояло всего из двух «житых людей». В летописи, как мы помним, наряду с этими двумя новгородцами упоминается какой-то «посол», что позволяет предположить, что посольство было более представительным. Полагаем, что как в первом, так и во втором случае Памфил Селифонтов и Кирилл Иванов были в числе большей группы послов (см. выше, § 2).

В. Л. Янин считал, что летописный рассказ о переговорах Новгорода с Казимиром IV представляет собой «контаминацию двух новгородских действий — посольства, завершившегося присылкой в Новгород Михаила Олельковича, и посольства, снабженного [...] проектом докончания», т. е. рассмотренной выше договорной грамотой [Янин 1991: 188]. Может быть, это не совсем точно: не вполне удачным кажется слово «контаминация». Можно предположить, что летописец знал, что к королю после смерти Ионы и наречения Феофила было отправлено посольство с просьбой взять Новгород в свое покровительство;

---

³⁰ По мнению А. Е. Преснякова, Михаил Олелькович должен был стать литовским наместником в Новгороде. Ср.: «Дело шло о водворении в Новгороде литовского наместника "от православного христианства". По рассказам, сохранившимся в наших летописных сводах, план князя Михаила и Борецких состоял в том, чтобы за литовского пана, который станет новгородским правителем, выдать вдову посадника Исаака [Борецкого] Марфу и тем утвердить связь боярской партии с литовской правящей средой и ее господство над Новгородом [см.: «Словеса избранные»: ПСРЛ, IV/2: 502–503; ПСРЛ, XLIII, 2004: 191; ПСРЛ, VI, 1853: 5; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 185; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 151; ПСРЛ, XX/1, 1910: 286]. Возможно, конечно, что это только сплетня — новгородская или московская. Но положение Казимира перед новгородским делом было весьма затруднительно. Если оно представлялось возможным, то не иначе, как при участии православных князей и панов Литовско-русского государства, той среды русских Рюриковичей и обруселых Гедиминовичей или панов литвинов, борьба с которыми была очередной задачей внутренней политики Казимира. Михаил Олелькович, виднейший представитель этой среды, ее кандидат на великое княжение, подготовлял в Новгороде почву для такого решения дела, которое едва ли было в намерениях короля: создания в Новгороде крупного наместничества для православного магната» [Пресняков 1923: 432]. Судя по всему, Михаил Олелькович не был королевским наместником, но мог рассматриваться в Новгороде как вероятный кандидат на эту должность.

ему были известны имена некоторых участников этого посольства, а именно, Памфила Селифонтова и Кирилла Иванова, но он не знал конкретных деталей. Поэтому он процитировал другое посольство аналогичной направленности с теми же двумя участниками³¹. Это была не контаминация как таковая, а скорее субституция, один рассказ вместо другого. «Официозный рассказ [великокняжеского летописца о миссии Памфила Селифонтова и Кирилла Иванова] — явно публицистический памятник. Он не содержит точных дат, не соблюдает хронологии. Рассказчику все это было неважно — он стремился подчеркнуть идейно-политическое значение событий, конкретные детали его не интересовали» [Алексеев 2018: 150].

§ 5. Итак, поездка новгородских послов к королю Казимиру IV с челобитной о присылке им князя предшествовала приезду в Новгород князя Михаила Олельковича 8 ноября 1470 г. Эта поездка состоялась еще при жизни архиепископа Ионы и, очевидно, с его благословения: невозможно себе представить, чтобы столь важное для Новгорода предприятие — обращение к королю с просьбой взять город в свое покровительство — произошло без благословения владыки.

Равным образом необходимо признать, что с ведома Ионы и с его благословения новгородцы просили короля поставить им архиепископа: «И архиепископа вели нам поставити своему митрополиту Григорью и князь нам даи из своео дръжавы» (см. выше, § 2). Речь, разумеется, не могла идти в данном случае о самом Ионе — очевидно, имелся в виду его преемник. Иона, по-видимому, был озабочен положением своей паствы в условиях противостояния Новгорода и Москвы и обостряющихся отношений между ними, и он хотел бы, чтобы его преемник был поставлен в Литовской Руси — в Киеве, седалище митрополита Григория, Киевского и всея Руси. Возможно, у него были конфессионально-эклесиологические соображения на этот счет (мы вернемся к этому вопросу ниже, см. § 10). Как бы то ни было, Иона, судя во всему, благословил поставление своего преемника в Литве. Вопрос о месте поставления владыки был вообще кардинальным вопросом в противостоянии литовской и московской партии, и само предложение ставить в дальнейшем новгородских архиепископов в Литовской Руси исходило, надо полагать, именно от Ионы. Начиная с

---

³¹ К. В. Базилевич предполагал, что «летописный рассказ о приезде Михаила Олельковича [...] сложился в результате позднейшего осмысления событий на основе найденной “доконечальной грамоты” Новгорода с Казимиром» [Базилевич 1952: 91, примеч. 4]. С такой формулировкой трудно согласиться: летописец едва ли мог исходить в своем рассказе из текста договорной грамоты 1471 г.: слишком велики различия между ними.

1389 г. новгородские владыки ставились в Москве, за одним исключением: Евфимий II (Вяжицкий) был поставлен в 1424 г. в Смоленске Герасимом, митрополитом Киевским и всея Руси³². До татарского нашествия новгородские архиереи ставились в Киеве, после чего место поставления перестает быть стабильным; вообще же они ставились там, где находился митрополит (см.: [Успенский 1998: 299–300]). Со светской точки зрения предложение ставить новгородских архиепископов в Киеве отвечало стремлению Новгорода к политической независимости; вместе с тем, с церковной точки зрения оно восстанавливало изначальную церковную традицию.

Благословение почившего владыки может объяснять неожиданное выступление Пимена, бывшего ключника и доверенного лица архиепископа Ионы, после избрания в архиепископы Феофила; Пимен, как мы помним, заявил, что готов ехать в Киев, чтобы быть там поставленным в архиепископы: «Хотя на Киев мя пошлете, и тамо аз на свое поставлене еду» (см. выше, § 1). У Пимена должны были быть очень сильные доводы, чтобы предложить такое решение: он выступал против вековой традиции избрания новгородского архиепископа жребием, т. е. Божиим промыслом. Новгородского владыку избирала сама святая София, и она предпочла Пимену Феофила (см. § 1). Надо полагать, что новгородское вече, провозгласившее, что архиепископ должен быть поставлен в Литве, имело в виду поставление того, кто был уже избран на владычество, т. е. Феофила. Однако Феофил, по-видимому, отказался быть там поставленным³³, и тогда Пимен выступил со своим предложением. Как человек, близкий к покойному архиепископу (Ионе), он, вероятно, знал о его благословении; Феофил же, который как будто не был к нему так близок, мог об этом не знать³⁴. Таким образом, именно благословение Ионы было, как мы полагаем, основным аргументом Пимена.

³² Первым новгородским архиепископом, поставленным в Москве, был Моисей (1325 г.), но это был единичный случай, выпадавший из традиции.

³³ «Словеса избранные...» сообщают, что Феофил, видя настроения новгородцев, хотел уйти в монастырь — с тем, очевидно, чтобы отказаться от архиерейства: «Преподобныи же священноинокъ Феовиль, нареченныи на владычество отець их, [...] повелеваше имъ, яко да престануть от такового злаго начинания; они же не послушаху словесъ его, да того ради самъ многажды покушашесе о сихъ, дабы от них смель в монастырь, в кѣлью свою, они же не пустиша его, а свою злую мысль сшивающе не престаша [т. е.: злокозненно не оставили. — Б. У.]» [ПСРЛ, IV/2, 1925: 504; ПСРЛ, XLIII, 2004: 192; ПСРЛ, VI, 1853: 6; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 188; ПСРЛ, XXXIX, 1994: 152; ПСРЛ, XX/1, 1910: 288]. К значению слова *сшивати* см.: [СлРЯ XI–XVII вв., XXIX: 123]; ср. выражение *шить дело*.

³⁴ Напомним, что, приняв постриг, Феофил съехал с владычного двора и стал жить в Вяжицах (см. выше, § 1). Перед отправлением посольства к королю Казимиру, когда архиепископ Иона давал свое благословение, Феофила, скорее всего, не было в Новгороде; вполне вероятно, что он вообще не знал об этом посольстве.

§ 6. Вывод о литовской ориентации архиепископа Ионы коренным образом расходится с общепринятыми о нем представлениями. В агиографической традиции Иона предстает как сторонник Москвы, и это восприятие нашло отражение затем в историографии (см., например: [Макарий, IV/1: 37; Бернадский 1961: 264–265, ср., однако: 269]). Отсюда объясняется его канонизация на макарьевских соборах: в 1549 г. архиепископ Иона вместе с двумя своими предшественниками по новгородской кафедре, Нифонтом и Евфимием Вяжищским, был причислен к лику святых (вслед за митрополитом Ионой, который был канонизирован на соборе 1547 г.) (см.: [Голубинский 1903, с. 103]). В Степенной книге он называется «святым» и «дивным» [Степ. кн., II: 149, 204].

Житие Ионы говорит о добрых, чуть ли не благостных отношениях Ионы с московскими великими князьями (Василием II и Иваном III): «московьстии князи много любяху его и с говѣниемъ почитаху, и писаниа множицею посылаху к нему, и от него въсписаниа желанно приимаху» [Повесть об Ионе 1999: 242]. Иона выставлен здесь как защитник Новгорода, которому удастся оградить город от справедливого гнева московских великих князей: московские князья желают наказать город, не признающий их власть, но беседы с Ионой укрощают их гнев.

Житие это, дошедшее до нас в списках XVI в., было составлено, по-видимому, не ранее первой половины этого столетия; по мнению А. А. Турилова, оно было создано специально для включения в Великие Четьи-Минеи [см.: Турилов 2006: 184]. Как констатировал Я. С. Лурье, «обращение к летописным источникам обнаруживает, что отношения архиепископа Ионы с Москвой были вовсе не такими благополучными, как их изображало его житие» [Лурье 1993: 194; ср.: Idem 1991: 155; Idem 2021: 184]. Я. С. Лурье имеет в виду события 1462–1463 гг. и прежде всего обращение Новгорода к королю Казимиру IV с призывом о помощи в борьбе с Иваном III.

Когда зимой 1462 г. обострились отношения Новгорода с Василием II, Иона отказался ехать в Москву, чем вызвал гнев великого князя: «Той же зимы, Генъваря въ 7 [...], отъ князя великого Василья Васильевича многа замышленія приѣхаша послове к Великому Новугороду [...] И отъ многа замышленія княжа возмущахуся Новгородци и сътворше съвѣтъ, что ѣхати ко князю архиепископу Ионѣ на Москву и утолити княжій съвѣтъ и гнѣвъ, и не ѣха, приспѣ архиепископу инъ путь къ Божию десятинѣ, къ великому говѣнью [...] Того же Марта въ ты дни нача князь великий Василей Васильевичъ возмущатися отъ гнѣва на архиепископа Иону и на Великий Новгородъ, что к нему не поѣхалъ» [ПСРЛ, XVI, 1889, стлб. 206–207]. После неожиданной смерти Василия II († 27 марта 1462 г.) — новгородский летописец сообщает, что он умер

без покаяния³⁵ — зимой 1463 г. Иона вместе с посольством (состоявшим из трех посадников и двоих житых) поехал в Москву к новому великому князю, Ивану III, «о смиреніи мира», но «о блаземь миру не успѣша ничто же» [Ibid.: стлб. 211]. Предполагалось, что Иван III займет менее жесткую позицию по отношению к Новгороду, чем его отец, но надежды эти не оправдались. Тогда Новгород — несомненно, с благословения архиепископа Ионы — отправил посольство к королю Казимиру IV: «Того же лѣта [1463 г. — Б. У.] послаша Навгородци [sic!] посолъ свой Олуфѣрья [Елевферия. — Б. У.] Васильевича Слизина къ королю в Литву о княжи възмущеніи еже на Великій на Новѣгородѣ Ивана Васильевича» [Ibid.: стлб. 214]. Одновременно другой посол (Микита Левонтеев) был послан с просьбой о помощи к двум заклѣтым врагам московских великих князей — к князю Ивану Андреевичу Можайскому и к князю Ивану Дмитриевичу Шемякину; Иван Андреевич был союзником Дмитрия Юрьевича Шемяки, а Иван Дмитриевич — его сыном. Оба князя находились в изгнании в Великом княжестве Литовском. Яжелбицкий договор Новгорода с Василием II (1456 г.) включал в себе специальный пункт, согласно которому новгородцы обязывались не вступать с ними в какие-либо отношения³⁶.

³⁵ «таковая съдѣявша иная злая, что и отцемъ духовнымъ не велѣлъ приступити к нимъ» [ПСРЛ, XVI, 1889, стлб. 208]. Перед смертью Василий II захотел принять монашеский постриг, но ему не дали это сделать: «въ чернци хотяше пострищися, и не даша ему воли» [ПСРЛ, VIII, 1859: 150; ПСРЛ, XII, 1901: 115; ПСРЛ, XXV, 1949: 278; см. в этой связи: Успенский, Успенский 2017: 216 и сл.].

До нас дошла разрешительная грамота иерусалимского патриарха Иоакима Василию II, извещающая об отпущении грехов [РФА, 2008, № 102: 219]; она была получена в Москве после смерти великого князя (см.: [Панченко 2015: 149]). Эта грамота представляет собой не что иное, как индульгенцию, не предполагающую ни исповедания грехов, ни обязательной просьбы об их отпущении (см.: [Кобеко 1896: 270, 277–279]). Разрешительная грамота вместе с посланиями патриарха Иоакима была доставлена в Москву протосингелом Иерусалимской церкви Иосифом, нареченным на митрополию Кесарии Филипповой; по одним сведениям, он был племянником («братаничем») по другим — братом Иоакима. В одном из посланий подчеркивается, что Иосифу делегировано принадлежащее патриарху право отпускать грехи: «имѣите ег[о] [...] какъ самого мене; азъ бо подадохъ ему влас[ть] имети, юже самъ имехъ отъ Д[у]ха С[вя]та решати и вязати по заповѣди Г[о]с[под]а Б[о]га и Сп[ас]а н[аш]его [су]с[е] Х[ри]с[та], и его же онъ разрѣшитъ, будетъ разрѣшенъ отъ Б[о]га, а егоже свяжетъ, будетъ связанъ и предъ Б[о]гомъ. [...] И повелѣниемъ нашимъ Иосифъ, нареченный на мѣтрополию Кесарія Фѣлипповы, да дасть прощение грѣхомъ требующимъ отъ нег[о], и грамоту отпустную еже о грѣсехъ ч[е]л[овѣ]к[омъ]» [Кобеко 1896: 273–274; РФА, V, прилож. № 57: 1069–1070]. В другом послании, до нас недошедшем, Иоаким просил митрополита Феодосия, возглавляющего Русскую церковь, поставить Иосифа в митрополию Кесарии Филипповой (что и было совершено Феодосием, см. ниже, примеч. 38); см. упоминание об этой просьбе в послании Феодосия в Новгород и Псков: [РФА, 2008, № 27: 147].

³⁶ «А Великому Новугороду князя Ивана Андрѣевича Можайского и его дѣтей, и князя Ивана Дмитриевича Шемякина и его дѣтей, и его матери княгини Софы и еѣ дѣтей и зятѣи Новугороду не примати» [ГВНП, № 23: 43]. То же условие

Таким образом, мы знаем о двух обращениях Новгорода за помощью к королю Казимиру при архиепископе Ионе: в 1463 г. (посольство Олуферья Васильевича Слизина) и в 1470 г. (посольство с участием Памфила Селифонтова и Кирилла Иванова, сына Макарьина). Последнее из них прямо касается церковной сферы, которая была в непосредственной компетенции архиепископа.

Выводы Я. С. Лурье вызвали критические замечания Б. Н. Флоры, который указал на несколько фактов, говорящих, по его мнению, о московской ориентации архиепископа Ионы (см.: [Флоря 2007: 417–418]). Прежде всего это поездка Ионы на поставление в Москву в январе 1459 г.: «Как следует из посланий митрополитов Ионы и Феодосия, а также великого князя московского Ивана III новому новгородскому святителю, Иона при своем поставлении дал присягу “еже латинства остерегаться” “и к тому Григорью не приступити, а быти неотступну от нашего отца Ионы митрополита всея Руси”». Об этой ориентации, как полагает Флоря, может говорить и закладка в Новгороде храма в честь Сергия Радонежского вскоре после возвращения архиепископа Ионы в Новгород (весной 1459 г.), так же как и выезд из Новгорода в Литву в августе 1459 г. вассала Казимира IV — князя Юрия Семеновича (Лугвеньеви́ча). И то, и другое было, по-видимому, прямым следствием поставления Ионы в Москве.

Мы постараемся показать, что Я. С. Лурье был прав в этом споре, а Б. Н. Флоря ошибался.

§ 7. Иона был поставлен в архиепископы 1 февраля 1459 г. [ПСРЛ, XVI, 1889: стлб. 198]. Поставление новгородского владыки в Москве отвечало сложившейся к тому времени традиции (см. выше, § 5). Следует отметить, вместе с тем, что у Ионы не было выбора: Москва была в это время единственным местом, где мог быть поставлен новгородский владыка. Григорий Болгарин, уже провозглашенный киевским митрополитом, еще не прибыл в Литву, на место своего служения (см. ниже, § 8)³⁷. Отношения с Константинополем после фактического провозглашения автокефалии Русской церкви и падения Константинополя были прерваны. Москва воспринималась в это время как центр вселенского православия, т. е. занимала то место, которое ранее принадлежало Константинополю, и характерно, что в летописном рассказе о поставлении

повторяется затем в Коростыньском договоре Новгорода с Иваном III от 11 августа 1471 г. [Ibid., № 26: 46].

³⁷ Григория называли на Руси «Болгарином» — возможно, в результате ассоциации с митрополитом Григорием Цамблаком, которого также именовали таким образом. Происхождение Григория Болгарина неизвестно.

Ионы глава Русской церкви Иона, митрополит Киевский и всея Руси, именуется «вселенским митрополитом»: «поставленъ бысть всесвященный архимандритъ Иона архіепископомъ Великому Новугороду и Пскову всесвященнымъ вселеньскимъ митрополитомъ Ионою Къевьскимъ всея Руси» [ПСРЛ, XVI, 1889: стлб. 198]. Определение «вселенский» традиционно принадлежало константинопольскому патриарху как главе всей православной церкви (см.: [Успенский 1998: 484, ср. также: 90–92]; теперь же так именуется московский митрополит, который выступает именно в этой функции³⁸. Сам митрополит Иона настойчиво говорит о «нашем великом православии», которое противопоставляется православию греческому (см.: [Успенский 1998: 228]).

После возвращения из Москвы (в марте 1459 г.) Иона сразу же распоряжается о строительстве в Новгороде церкви Сергия Радонежского: надвратная церковь этому святому была сооружена весной и освящена 25 сентября 1459 г., в день преставления Сергия [ПСРЛ, XVI, 1889: стлб. 199–200]³⁹. По всей вероятности, во время пребывания в Москве Иона обещал поставить эту церковь, которая должна была знаменовать укрепление связей между Новгородом и Москвой. В свою очередь, в 1461 г. в Москве освящается придел Варлаама Хутынского в церкви Иоанна Предтечи у Боровицких ворот и начинается почитание св. Варлаама, ранее здесь неизвестное: «Варлама же оттолѣ почаша праздновати на Москвѣ», — говорит летописец [ПСРЛ, VI, 1853: 184; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 147; ПСРЛ, XX/1, 1910: 271; Мельник 2016: 136]. Вскоре после возвращения Ионы, осенью 1459 г., отъехал в Литву князь Юрий Семенович (Лугвеньевич), которого новгородцы пригласили в 1458 г. вслед

³⁸ Преемник митрополита Ионы, митрополит Феодосий, 4 марта 1464 г. ставит Иосифа, протосингела Иерусалимской церкви, в митрополиты Кесарии Филипповой (РИБ, VI, № 135: стлб. 925–930; см.: Голубинский, II/1: 529–530; Успенский 1998: 234, примеч. 50 — с дальнейшими отсылками); в источниках называется 4 марта или 4 апреля, но 4 марта приходится на воскресенье, а 4 апреля — на будний день; обычно хиротонии совершается в воскресенье или в какой-либо праздник). Канонически это кажется странным: митрополит ставит равночестного себе иерарха в другую церковь; очевидно, вместе с тем, что таким образом признаются особые полномочия московского митрополита «всея Руси». Иосиф был поставлен в митрополиты по просьбе иерусалимского патриарха Иоакима (см. выше примеч. 35). Митрополит Феодосий в послании в Новгород и Псков, объясняет эту просьбу тем, что на Руси сохранилось подлинное благочестие («слышав истинную нашу святую непоручную [веру]» [РФА, 2008, № 27: 148]).

³⁹ В Четвертой Новгородской летописи строительство этой церкви относится не к 1459 г., как в Летописи Авраамки, которую мы цитируем, а к 1463 г., времени второй поездки архиепископа Ионы в Москву: «В лѣто 6971 [1463 г. — Б. У.]. Ъздиль владыка Иона на Москву. И того лѣта постави владыка Иона церковь на владычне дворѣ святого Сергия чюдотворца на вратехъ» [ПСРЛ, IV/2, 1925: 498; аналогично: ПСРЛ, IV/3, 1929: 609]. То же говорится и в житии Ионы [Повесть об Ионе 1999: 244, 248]. Летопись Авраамки представляется более надежным источником. — Характерно, что во всех этих известиях построение этой церкви так или иначе связывается с поездкой архиепископа Ионы в Москву.

за избранием Ионы в архиепископы [ПСРЛ, XVI, 1889: стлб. 198, 200]; этот отъезд, по-видимому, также был следствием договоренности новгородского владыки с московскими властями, недовольными выбором новгородцев⁴⁰. Как закладка церкви Сергия Радонежского, так и отъезд литовского князя прямо связаны с поставлением архиепископа Ионы в Москве: все эти события складываются в единое целое. Будучи поставлен в Москве, Иона, очевидно, не мог не пойти навстречу московским духовным властям. Таким образом, и то, и другое решение могло быть до некоторой степени вынужденным: сами по себе, они (эти решения) не могут рассматриваться как безусловное свидетельство промосковских симпатий архиепископа Ионы.

Остановимся теперь на присяге, которую дал Иона на своем поставлении в архиепископы.

§ 8. Принято думать, что на своем поставлении архиепископ Иона дал клятвенное обещание не принимать митрополита Григория и не иметь с ним общения (см.: [Макарий, IV/1: 31; Голубинский II/1: 506; Флоря 2007: 417; Печников 2013: 409]). Этот вывод, повторяющийся из работы в работу, кажется, никогда не подвергался сомнению. Между тем, есть основания полагать, что Иона не давал подобного обещания. Присяга такого рода появилась в чине поставления русских архиереев тогда, когда Иона был уже рукоположен в архиепископы, т. е. после 1 февраля 1459 г. Рассмотрим хронологию интересующих нас событий.

21 июля 1458 г. папа Каллист III принял решение о создании в Литовской и Галицкой Руси митрополии восточного обряда (иначе говоря, униатской) — решение, находившееся вполне в духе постановлений Флорентийского собора. Имелось в виду вывести православные епархии великого княжества Литовского и королевства Польского из канонического подчинения главе Русской церкви митрополиту Ионе (которого папа считал схизматиком и узурпатором) и подчинить их католическому (униатскому) митрополиту⁴¹; таким митрополитом дол-

⁴⁰ Как сам князь Юрий Семенович, так и его отец, князь Семен (Лугвений) Ольгердович, неоднократно перед тем приглашались в Новгород. «Заслуживает внимания то обстоятельство, — говорит Я. С. Лурье, — что в последний раз Юрий Семенович был приглашен в Новгород уже после Яжелбицкого мира и что приглашение это, очевидно, не вызвало какой-либо реакции со стороны Москвы» [Лурье 1991: 186]. Обстоятельства отъезда Юрия Семеновича свидетельствуют скорее об обратном.

Ср. затем в Коростыньском договоре Новгорода с Иваном III (1471 г.): «А княземъ у короля великого князя литовского собѣ на пригороды не просити, ні приимати из Литвы князеи в Великии Новгородѣ» [ГВНП, № 26: 46].

⁴¹ Речь идет о девяти епархиях: Брянской (Черниговской), Смоленской, Полоцкой, Туровской, Луцкой, Владимирской, Галицкой, Перемышльской, Холмской.

жен был стать Григорий Болгарин. Кардинал Исидор, номинальный митрополит Киевский и всея Руси, отказался в его пользу от диоцезов Литовской и Галицкой Руси, оставив за собой диоцезы Московской Руси (см.: [DPR, I, № 82: 146, № 83: 147, № 84: 148, № 85: 150; Halecki 1956: 21–23; Idem 1958: 85; Голубинский, II/1: 504]). Григорий к тому времени еще не был епископом; до хиротонии он считался выбранным главой названных диоцезов.

Через две недели после этого (6 августа 1458 г., в день Преображения) папа Каллист III скончался, не успев выдать Григорию настояльной (ставленной) грамоты. Выдача такой грамоты стала одним из первых актов папы Пия II (Энея Сильвио Пикколомини), который с энтузиазмом продолжил это направление деятельности своего предшественника [DPR, I, № 82: 145–147; Hofmann 1946: 230–232; ПСРЛ, VI, 1853: 319–320]; Григорий именуется в ней «электом». Грамота датирована 3 сентября 1658 г., днем интронизации Пия II; в этот же день им были написаны послания к королю Казимиру IV, а также епископам, клиру и народу Киевской церкви с сообщением о миссии Григория [Ibid., №№ 83–86: 147–151; Prochaska 1923, №№ V, VI: 67–69]⁴². (Именно из этих документов мы знаем об инициативе папы Каллиста и кардинала Исидора Киевского).

15 октября 1458 г. в Риме Григорий был поставлен униатским константинопольским патриархом Григорием III Маммой в митрополии Киевские, Литовские и Малой Руси (*Chievensis, Lithuaniae et totius Russiae inferioris*) (см. послание патриарха Григория III Маммы королю Казимиру IV от 20 ноября 1458 г. с описанием хиротонии митрополита Григория: [Wawryk 1963, № 1: 16; Prochaska, 1923, № VIII: 71]). Григорий должен был выехать в Литву, но был задержан в Риме в связи с получением новых полномочий. Кардинал Исидор, отказавшийся ранее в пользу Григория от диоцезов Литовской Руси, отказался теперь (по-видимому, на рубеже 1458 и 1459 гг.) от оставшейся у него части общерусской митрополии, и Григорий из митрополита Киевского, Литовского и Малой Руси превратился в митрополита Киевского и всея Руси; в первом случае Киев фигурирует как центр митрополии Литовской и Малой Руси, во втором — как центр всей Русской церкви. Таким образом,

---

Галицкая, Перемышльская и Холмская епархии входили в состав Русского воеводства Польского королевства, остальные — в состав Великого княжества Литовского. Эти епархии были объединены под названием «*Russia inferioris*», тогда как Московская Русь носила название «*Russia superioris*».

Существенно при этом, что Польша и Литва возглавлялись в это время одним монархом (Казимиром IV, который был королем Польским и великим князем Литовским).

⁴² Ср. западнорусский перевод одного из этих посланий (послания к Казимиру IV): [ПСРЛ, VI, 1853: 167–169; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 98–101; ПСРЛ, XX/1, 1910: 254–255]. Ср.: DPR, I, № 84: 148–149.

Григорию предстояло теперь отправиться в Литву на киевскую кафедру в качестве главы общерусской митрополии; см. послание Григория как «архиепископа Киевского и всея Руси» королю Казимиру IV от 20 декабря 1458 г. с сообщением о том, что его приезд откладывается [Prochaska 1923, № X: 73–74]; двумя днями раньше, 18 декабря 1458 г., папа Пий II предлагал Казимиру прогнать митрополита Иону с киевской кафедры [DPR, I, № 91: 155–156; Prochaska 1923, № IX: 72–73].

17 января 1459 г. папа Пий II выдал Григорию Болгарину верительные грамоты (*litterae commendatitiae*) как «архиепископу Киевскому и всея Руси» [DPR, I, № 93: 156–157]; ср. послания патриарха Григория III Маммы и кардинала Исидора королю Казимиру IV, соответственно от 27 и 31 января 1459 г., сообщающие о новых полномочиях митрополита Григория [Wawryk 1963, №№ 2–3: 18–21; Prochaska 1923, № IV: 66–67]. Григорий выехал в Литву, по-видимому, в феврале 1459 г. (см.: [Ваврик 1963а: 349; ср.: РФА, V: 965]), т. е. после хиротонии архиепископа Ионы⁴³.

В Москве узнали о поставлении Григория в митрополиты Киевские и Литовские еще до того, как он появился в Литве⁴⁴. Нет никакого сомнения, однако, что обещание не признавать Григория и не иметь с ним никакого общения могло появиться в чине епископов Московской Руси только после того, как Григорий оказался в Великом княжестве Литовском и заявил о своих полномочиях митрополита Киевского и всея Руси, т. е. главы всей Русской митрополии, — особенно же после того, как некоторые епископы Литовской Руси вошли с ним в каноническое общение⁴⁵.

⁴³ А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко колеблются в определении того, когда Григорий появился в Литве: в одном случае они говорят, что это случилось не позднее апреля 1459 г. [РФА, IV: 896, 916, 886], в другом — называют июль 1459 г. [РФА, V: 950, 998, 1004, ср.: 965, примеч. 20].

⁴⁴ 20 декабря 1458 г. митрополит Иона пишет в Литву, напоминая о том, как в свое время на Русь приходил митрополит Исидор с тем, чтобы «всести, яко плевел во пшеницу, римское учение в наше великое православие», причем мимоходом упоминает о чернце Григорие, который «ныне, как слышим, на митрополию вышел»; обращаясь к православному населению Литовской Руси, митрополит Иона призывает не принимать того, «кого тутю тот отступник [...] Исидор к вам пошлет своих единомысленников» [РФА, 2008, № 5: 89–91; РИБ, VI, № 85: стлб. 635–640]. Тогда же, видимо, Иона посылает в Литву послов — троецкого игумена Вассиана Рыло (будущего архиепископа Ростовского) и кирилло-белозерского игумена Кассиана — на укрепление «православного христианства», чтобы крепко стояли за православную веру, см.: [РФА, 2008, № 28: 149–150; РИБ, VI, № 80: стлб. 615–618; РФА, 2008, № 34: 161 (= РИБ, VI, № 86: стлб. 643); РФА, 2008, № 24: 137 (= РИБ, VI, № 88/1: стлб. 658); РИБ, VI, № 88/II: стлб. 664–665]. На этом этапе появление Григория воспринимается, видимо, как внутреннее дело Литовской Руси, а сам Григорий — как самозванный литовский митрополит.

⁴⁵ После прихода Григория митрополит Иона писал литовским епископам: «Тем же, яко и преже писахом, [имеется в виду: не принимайте. — Б. У.] того предреченнаго злаго отступника Георгия [sic!], пришедшаго от Рима и нарицающа митрополитом Киевским и всея Руси, слышим же, яко неции тамо в вас приобъщаются ему и служат с ним, забывше свое исповедание пред Богом

С принятием титула митрополита Киевского и всея Руси Григорий начинает именоваться так, как именовался митрополит Иона, глава Русской церкви: он становится как бы двойником московского митрополита — оба они претендуют на власть над всей русской митрополией, охватывающей как великорусскую, так и западнорусскую территорию, включая сюда и Новгород, и каждый считает другого самозванцем, лжемитрополитом⁴⁶. Благодаря папским грамотам Григорий получил поддержку Казимира IV, короля Польского и великого князя Литовского, и Казимир отправил послов, Якуба писаря⁴⁷ и Ивашенца, к Василию II, предлагая сместить митрополита Иону и признать Григория в качестве единого общерусского митрополита [РФА, 2008, № 24: 139; РИБ, VI, № 87: стлб. 655, № 88/I–II: стлб. 662–663, 668–669]. Василий отвечал:

в свое поставление» [РФА, 2008, № 51: 195; РИБ, VI, № 81: стлб. 623]. Само собой разумеется, что слова «забывше свое исповедание пред Богом в свое поставление» не означают того, что литовские епископы на своем поставлении давали обещание не принимать Григория (они были поставлены до того, как Григорий стал митрополитом); речь идет здесь, скорее всего, о обещании не принимать митрополита, пришедшего «от латын» (ср. ниже, § 9).

Ср. летописное известие: «Приде [...] изъ Риму Григорей митрополитъ, и сѣде на Кіевѣ, и пріят его король, и с нимъ 8 епископовъ Литовскыхъ» [ПСРЛ, VIII, 1859: 149]. Из девяти епископов, оказавшихся в составе митрополии Киевской, Литовской и Малой Руси (*Ecclesia metropolitana Chievensis, Lithuaniae et totius Russiae inferioris*; см. выше, примеч. 41), лишь один заявил о непризнании митрополита Григория — Евфимий, епископ Брянский (Черниговский) [РИБ, VI, № 88.II: стлб. 664; Голубинский, II/2: 29–30; Halecki 1956: 30].

⁴⁶ Ср. послание русских епископов литовским 13 декабря 1459 г.: «Слышаніе наше таково, что деи пришесть къ вамъ, Григорьемъ зовуть, Исидоровъ ученикъ, въ литовскую землю, и глаголетъ себе быти митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси, отъ Рима приходящи, и извѣщаетъ себѣ самъ поставленіе и рукоположеніе отъ римскыя церкви нѣкогого патриарха Григорья, преже бывшего въ Цариградѣ, въ латыньской ереси обличеннаго от тамо сущихъ митрополитовъ и епископовъ православныхъ; и тотъ Григорей не истинный митрополитъ, но ложный, носить съ собою листы папины и того патриарха ложнаго, а въ тѣхъ листѣхъ пишеть на осподина нашего Иону, митрополита кіевскаго и всея Руси, а именуеть его отщепенцемъ и отступникомъ; а они сами отметники и отступники Божія закона православныя нашія християньскыя вѣры...» [РИБ, VI, № 84: стлб. 633]. Ср. аналогичные формулировки в посланиях митрополита Ионы к смоленскому епископу Мисаилу и черниговскому епископу Евфимию [РИБ, VI, № 88/I–II: стлб. 662, 668].

⁴⁷ Якуб писарь или пан Яков, секретарь короля Казимира, был православным, см. письмо к нему В. Д. Ермолина, известного московского купца и строителя, заказчика Ермолиной летописи: [Седельников 1930: 223–225; РФА 2008, № 56: 203–204]. Письмо Ермолина написано на западнорусском языке (он называет себя здесь не «Ермолиным», а «Ермоличем»); его предки были, по-видимому, выходцами из Литовской Руси, с которой у него, очевидно, сохранялись какие-то связи (см.: [Седельников 1930: 429–432]; А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко считают, однако, его самого западнорусским уроженцем, см.: [РФА, V: 1007].

Писаря Якуба, посла Казимира IV к Василию II, могут отождествлять с Яковом Григорьевичем, писарем митрополита Киевского и всея Руси Герасима, автором граффито в константинопольском Софийском соборе (см.: [Лицкевич 2019: 236–255]).

старина наша отъ нашего прародителя великого князя Володимера, крестившаго землю русскую; избраніе [митрополита] Іонѣ, взысканіе митропольское, нашихъ прародителей, великихъ князей русскихъ и наше и до сихъ мѣсть, а не великихъ князей литовскихъ: кто будетъ намъ любѣ, тотъ будетъ у насъ на всей Руси, а отъ Рима митрополиту у насъ не быти, мнѣ ненадобенъ

[РИБ, VI, № 100: стлб. 708; РФА, V: 957]⁴⁸.

Характерным образом вопрос о избрании и поставлении митрополита связывается здесь с наследственными прерогативами русских великих князей (ср. выше, § 1): отказ признать Григория мотивируется не тем, что он пришел из Рима, а тем, что избрание митрополита является исключительной прерогативой московского государя.

Итак, именно претензии митрополита Григория на то, чтобы стать главой всей Русской церкви, — повторим это еще раз — обусловили появление в чине поставления русских епископов обещание не принимать его и не иметь с ним общения. Вот что говорит летопись (Вторая Софийская и согласная с ней Львовская):

Егда же прииде Сидоровъ ученикъ Григорей въ митрополитѣхъ въ Литовскую землю, Андрѣю [т. е. Казимиру. — Б. У.] же королеви Польскому съ прошеніемъ послашу къ своему брату къ великому державному Василию Васильевичу всея Руси, дабы къ себѣ пріалъ на Рускую митрополию; зане бо Іона митрополитъ престарѣлся уже. Князю же великому слова королева не приѣмшу, а Сидорова ученика не приѣмшу же; а Іона митрополитъ посла грамоту къ своимъ епископомъ, дабы отъ него не пріимали благословеніа. И оттолѣ раздѣлися митрополіа: король сего пріа Григорія, а князь велики не восхотѣ; и оттолѣ сотворишася два митрополита въ Руси, единъ на Москвѣ, а второй въ Кіевѣ

[ПСРЛ, VI, 1853: 169; ПСРЛ, VI/2, 2001: стлб. 101; ПСРЛ, XX/1, 1910: 256].

Новая форма епископского обещания была принята на соборе Русской церкви 13 декабря 1459 г., когда в русские епископы составили соборную грамоту и обратились к епископам Литовской Руси с призывом не признавать киевского митрополита Григория. Здесь говорилось: «и намъ архіепископомъ и епископомъ русскія митропольи къ тому Григорью

⁴⁸ Слова Василия II дошли до нас в поздней передаче Ивана III (в послании последнего к архиепископу Ионе 1467–1469 гг.). Иван III говорит, что они были сказаны еще до приезда Григория в Литву, ср. здесь: «князь великій Василей Васильевичъ, и до королевы обсылки еще зарано [т. е. до того, как Казимир отправил к Василию II своих послов. — Б. У.], посылавъ толко о томъ Григоріѣ, что идетъ отъ Рима не по нашей старинѣ, а еще и въ литовскую землю не пришел, и онъ послалъ къ брату своему съ тѣмъ къ королю: “чтобы еси, брате, того Григорія отъ Рима къ себѣ не пріималъ на нашего отца на общаго, на Іону митрополита, а новины бы еси не чинилъ, а наше бы старины не рушилъ...”» [РИБ, VI, № 100: стлб. 708; РФА, V: 957]. Полагаем, что здесь имеет место анахронистическое смешение событий, относящихся к разным временным срезам: по своему содержанию слова Василия больше напоминают ответ послам.

не приступати, ни грамотъ намъ отъ него не примати никакихъ, ни совѣта съ нимъ не имѣти ни о чемъ же» [РИБ, VI, № 83: стлб. 630–631; РФА, 2008, № 14: 109]. С этого времени епископское обещание приняло конкретный и персональный характер: епископы на поставлении должны были прямо и недвусмысленно отречься от Григория (а не вообще от латинства, как это было принято раньше, см. ниже, § 9). 22 марта 1461 г. подобную присягу давал на своем поставлении тверской епископ Геннадий Кожин (первый епископ, поставленный после декабрьского собора 1459 г.): «и мнѣ епископу Генадію тѣрьскому къ нимъ не приступати, ни грамотъ ми отъ нихъ никакихъ не примати, ни совѣта ми съ ними никоторого не имѣти» [РИБ, VI, № 92: стлб. 684; РФА, 2008, № 31: 155; ср. также: РИБ, VI, № 94: стлб. 689; РФА, 2008, № 55: 202]⁴⁹.

Важно отметить, что архиепископ Иона в этом соборе не участвовал, ни очно ни заочно (т. е. он на нем не присутствовал и не прислал повольной грамоты), так же как не участвовали в нем тверской епископ Моисей и рязанский Евфросин (см.: [РИБ, VI, №№ 83, 84: стлб. 628, 631–632; Лурье 1991: 155; Idem 2021: 183])⁵⁰. Это обращение подписали только епископы Московской Руси, подвластные великому князю Московскому (см.: [РФА, IV: 917])⁵¹.

⁴⁹ Митрополит Иона, поставивший Геннадия Кожина в Москве на тверскую кафедру 22 марта 1461 г., скончался на девятый день после рукоположения Геннадия, 31 марта. Поэтому новому тверскому епископу не только вручили ставленную грамоту [РФА, 2008, № 2: 82–83], но и взяли с него повольную грамоту [РИБ, VI, № 92: стлб. 681–684; РФА, 2008, № 31: 154–155], подтверждающую верность умирающему митрополиту и изъявляющую согласие на избрание преемника Ионы по его благословению (см.: [РФА, IV: 886; РФА, V: 965]). После смерти митрополита Ионы и избрания митрополита Феодосия Геннадий дал новоизбранному митрополиту Феодосию присяжную грамоту [РИБ, VI, № 94: стлб. 687–690; РФА, 2008, № 55: 201–202].

⁵⁰ Ср. послание митрополита Ионы к Моисею без даты, настоятельно побуждающее его явиться на собор епископов (по-видимому, имеется в виду декабрьский собор 1459 г.) и упрекающее тверского владыку в том, что ранее тот не откликнулся на подобные приглашения [РИБ, VI, № 82: стлб. 625–626]. Моисей был поставлен в епископы в 1653 г., т. е. задолго до того, как Григорий заявил о своих правах на русскую митрополию; следовательно, ему не пришлось на своем поставлении отречься от общения с Григорием (так же, как не пришлось этого делать архиепископу Ионе). Позиция Моисея и нежелание его участвовать в соборе епископов определялась, очевидно, пролитовской ориентацией Бориса Александровича, великого князя тверского. После кончины Бориса Александровича в 1461 г. Моисей оставил кафедру. Его преемник, Геннадий Кожин, был поставлен в Москве в том же 1461 г., и он незамедлительно дал присяжную грамоту о непризнании Григория. Это было первое поставление тверского епископа в Москве (см.: [Печников 2021: 325]).

⁵¹ Макарий Булгаков и Е. Е. Голубинский объясняют отсутствие архиепископа Ионы на соборе епископов 1459 г. тем, что тот незадолго перед тем давал свои обещания на своем поставлении [Макарий, IV/1: 31; Голубинский, II/1: 506]; объяснение это не кажется убедительным — тем более, что на своем поставлении, как мы теперь знаем, Иона не давал того обещания, которое должны были дать

§ 9. Итак, архиепископ Иона, судя по всему, не обещал на своем поставлении не признавать Григория. Что именно обещал Иона, мы знаем из послания к нему главы Русской церкви митрополита Ионы. Сообщая о появлении Григория в Литовской Руси, митрополит Иона напоминал архиепископу Ионе о его обещании «латыни остерегаться», которое тот дал на своем поставлении:

Еще же, сыну, и о том вспоминаю тебе, каково еси, сыну исповедание и обещание Богови дал и нашему смерению в своем поставлении на святительство — сам ведаешь, еже и латинства остерегаться. [...] А что, сыну нынешние злые новины являющиеся, надемся, вам давно сведомо, что же пришел некто Григорие от Римских стран на Киевскую митрополию, а зовущимся Киевским митрополитом и всяя Русьския земля [...] а поставлен, кажуть, от такова же злаго и богомерскаго человека, некоего патриарха нарицаемаго Григория же [имеется в виду униатский патриарх Григорий III Мамма. — Б. У.], от тое же Римския церкви, имеа с собою на злое подкрепление тамошние же проклатьи грамоти папежские от окаяннаго отступника от благочестивыа христианския веры злаго Исидора и того поставлешаго его на митрополию патриарха нечестиваго Григория [Григория III Маммы. — Б. У.]

[РФА, 2008, № 34: 160; РИБ, VI, № 86: стлб. 641–642].

Обещание «латинства остерегаться» — по-видимому, цитата из исповедальной грамоты архиепископа Ионы или очень близкий ее пересказ. Это обещание соответствует ранней форме исповедальных грамот при митрополите Ионе (существовавшей до декабрьского собора 1459 г.): епископы присягали митрополиту, получившему стол «от нашего великаго истинаго православия по божественным и священным правилам, а не от латын» [РГБ, *Волок.* 571; РФА, IV: 925]⁵². Первоначально это обеща-

---

участники собора (т. е. не заявлял о своем отречении от Григория). Между тем отсутствие Моисея Голубинский объясняет его нездоровьем, однако при таком объяснении остается непонятным, почему тот не прислал повольную грамоту. Как отмечают А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко, «Моисей умер в 1467/68 г., и его нежелание являться в Москву в декабре 1459 г. скорее объясняется стремлением уклониться от присяги московскому митрополиту» [РФА, V: 965].

⁵² Цитируется чин поставления епископа с датой 1455–1456 гг., отредактированный в 1505–1511 гг. Подобное обещание фигурирует в послании великорусских епископов литовским 13 декабря 1459 г.: «И вы бы, духовная наша братья, помнили свое исповѣданіе и обѣщаніе, еже обѣщалися есте господину нашему Іонѣ, митрополиту кievьскому и всея Руси, предъ Богомъ и предъ святыми его ангелы, предъ своими братьями епископы, что вамъ отъ нашего господина Іоны, митрополита кievьскаго и всея Руси, не отступати, а иного вамъ митрополита отъ Латынъ не примати: и вы бы, наша братья, того отступника, Исидорова ученика Григорья, не примали...» [РИБ, VI, № 84: стлб. 634; ср.: РФА, 2008, № 24: 139–140; РИБ, VI, № 88/1: 663, 670]. В несколько более раннем чине поставления епископа обещание выглядело следующим образом: «не хотѣти ми примати иного митрополита, развѣ тебе, своего господина,

ние относилось к митрополиту Исидору; в изменившихся условиях оно могло быть переосмыслено и соотнесено с Григорием.

Архиепископ Иона не мог отказаться на своем поставлении от общения с Григорием, поскольку, когда Иону ставили в архиепископы, Григорий еще не объявился на Руси (на тот момент Иона, возможно, даже не знал о его существовании). Однако Иона не давал такого обещания и после появления Григория — в декабре 1459 г., когда епископы Московской Руси торжественно обещали «къ тому Григорью не приступати, ни грамотъ [...] отъ него не приимати никакихъ, ни совѣта съ нимъ не имѣти ни о чемъ же» (см. выше, § 8). Иона на этом соборе не был и, следовательно, подобного обещания не давал (см. там же). Это обстоятельство беспокоило московские духовные власти. По их настоянию архиепископ Иона затем несколько раз должен был подтвердить свое обещание⁵³.

Требование повторить исповедание веры имеет вообще исключительный характер и в известной степени выражает недоверие к духовному лицу, к которому оно обращено. Так в 1490 г. митрополит Зосима, возглавивший Русскую церковь, потребовал от новгородского архиепископа Геннадия Гонзова, чтобы тот прислал ему, новопоставленному митрополиту, исповедание веры. Геннадий справедливо расценил это как недоверие к себе. Он отвечал, что уже давал свое исповедание на своем поставлении митрополиту Геронтию (предшественнику Зосимы) и отказался его повторить:

занеже того в постатие не бывало, что владыка на себе в другие исповедание дает. [...]. А что ми, господине, велишь писати исповедание: ино, господине, исповедание есми положил отцу своему Геронтию митрополиту да и всему божественному собору, архиепископу и епископом; да то исповедание у вас в казне. А как есми исповедовался пред Богом и пред избранными аггелы, так в том исповедании стою и теперво неподвижно

[Казакова, Лурье 1955: 374–375; РИБ, VI, № 115.I: стлб. 765–766; ср.: Макарий, IV/1: 59].

митрополита кievскаго и всея Руси Ионы, или кого поставять отъ истиннаго православя» (обещание Даниила, епископа владимирского и берестейского, 1452 г. — [РИБ, VI, № 72: стлб. 587–588; РФА, III, прилож. № 36: 687]. Ср., между тем, в чине поставления епископа 1423 г.: «не хотѣти ми приимати иного митрополита, развѣ кого поставять изъ Царяграда, какъ есмы то изначала пріяли» [РИБ, VI, № 52: стлб. 454]. Об истории епископской присяги на Руси см.: [Ваврик 1963b].

⁵³ Ср. в послании Ивана III архиепископу Ионе 1468–1469 гг.: «каковъ [...] еси обѣтъ даль Ionѣ митрополиту [...] а опослѣ отца нашего Ионы митрополита живота его, и ты и отцу нашему Феодосью митрополиту обѣтъ свой положилъ своимъ писаніемъ, да и нынѣшнему отцу нашему Филипу митрополиту» [РИБ, VI, № 100: стлб. 709–710]. Мы цитируем это послание ниже (см. примеч. 60).

Архиепископ Иона, насколько можно понять из дошедшей до нас переписки, поступил иначе: он несколько раз в точности — без каких-либо изменений — повторил то обещание, которое он давал на своем поставлении и которое, по мнению московских властей, было несовершенным, недостаточно определенным. Настаивая на присылке подтвердительных (присяжных) грамот, власти, по-видимому, ожидали отречения от Григория; Иона такие грамоты послал, но о Григории в них не было ни слова.

8 июля 1461 г. митрополит Феодосий, незадолго перед тем сменивший митрополита Иону на посту главы Русской церкви⁵⁴, писал архиепископу Ионе:

Вѣдомо тебѣ, моему сыну, что пришелъ в литовскую землю Сидора, отступника отъ православія, ученикъ и единомысленикъ Григорей, а именуеть себе кievьскимъ и всея Руси митрополитомъ [...]. И которыми, сыну, дѣлы, тотъ Григорей кого своего къ тебѣ пришлетъ, къ нашему сыну, и ты бы, мой сынъ, по своему обѣщанію, какъ еси далъ свой обѣтъ Богу и пречистѣй его Богоматери, и великому чудотворцу Петру [митрополиту Петру. — Б. У.], и брату нашему Ионѣ митрополиту, вначалѣ, въ свое ставленіе, да и грамоту еси свою за своею подписью далъ, послѣ пакъ брата моего Ионы митрополита, нынѣ, тѣтъ же еси обѣтъ, въ своихъ грамотахъ, описалъ твердо [т. е.: подтвердил. — Б. У.], и господину и сыну моему великому князю Василью Васильевичу и господину и сыну моему великому князю Ивану Васильевичу послалъ, также и о Святѣмъ Дусѣ сыномъ и съслужебникомъ нашего смиренія, епископомъ рускымъ, своей браты, таковую же еси свою другую грамоту послалъ: и ты бы нынѣ, о Святѣмъ Дусѣ мой сынъ, помня тотъ святой обѣтъ предъ Богомъ въ свое ставленіе, и по тымъ своимъ твердымъ [т. е.: подтвердительным. — Б. У.], даннымъ на то, грамотамъ, того отступника, Исидорова ученика Григорія благословеніе не пріималъ и не требовалъ ни въ чемъ, и писаніемъ его и поученіемъ не внималъ, съблюдая свою единородную безсмертную душу от таковаго еретичества...

[РИБ, VI, № 95: стлб. 691–692]⁵⁵.

⁵⁴ Феодосий был поставлен 3 или 9 мая 1461 г. [Голубинский, II/1: 518, примеч. 2] по благословию митрополита Ионы († 31 марта 1461 г.). Согласно каноническим правилам, епископу запрещалось назначать себе преемника, и благословение митрополита Ионы было прямым нарушением канонов (см.: [Успенский 1998: 49–53]). Исключительность поведения Ионы отвечало исключительности его поставления в митрополиты; она проявляется также и в том, что митрополиты начинают ставиться из епископов и что при этом повторяется епископская хиротония, см.: [Ibid.: 73–78].

⁵⁵ Синтаксис этого пассажа может ввести в заблуждение. Приведем перевод: «Ты знаешь, сын мой, что в Литовскую землю пришел Григорий, ученик и единомышленник Исидора, отступника от православия, и называет себя митрополитом Киевским и всея Руси [...]. Если по тем или иным причинам этот Григорий кого-нибудь из своих к тебе пришлет, ты бы, сын мой, по своему обещанию, которое ты дал вначале на своем поставлении, когда давал свой обет Богу, и пречистой его Богоматери, и великому чудотворцу Петру [т. е.: митрополиту Петру. — Б. У.], и брату нашему [т. е.: моему. — Б. У.] митрополиту

Феодосий говорит об обещании («обете»), данном Ионой на поставлении, но содержания этого обещания не раскрывает, предполагая его известным; он предлагает архиепископу повторить свое обещание, прислав присяжные грамоты великим князьям (Василию II и его соправителю Ивану III) и русскому епископату⁵⁶. Говоря о грамоте, которую архиепископ Иона дал после смерти митрополита Ионы («да и грамоту еси свою за своею подписью далъ, послѣ пакъ брата моего Ионы митрополита»), Феодосий, надо полагать, имеет в виду повольную грамоту, выражающую согласие на его поставление, которую архиепископ Иона прислал из Новгорода⁵⁷: в этой грамоте, очевидно, повторялось то обещание, которое Иона давал в свое время на своем собственном поставлении в архиепископы, т. е. обещание «латинства остерегаться». Одновременно с этой грамотой в Москве была получена повольная грамота тверского епископа Геннадия Кожина, в которой говорилось об отказе иметь какие-либо отношения с Григорием [РИБ, VI, № 92: стлб. 681–684; РФА, 2008, № 31: 154–155; см. выше, § 8]. Оба владыки повторили в повольной грамоте то обещание, которое они давали на своем поставлении, но Иона, как мы помним, при этом не давал обещания не общаться с Григорием, тогда как Геннадий такое обещание дал. Обещание Ионы «латинства остерегаться» могло быть осмыслено как отказ от общения с Григорием, но Феодосий, по всей видимости, ожидал от новгородского архиепископа более четкой формулировки — именно такой, которая была определена на соборе 13 декабря 1459 г.; Иона не был на этом соборе, и это усугубляло желание Феодосия получить от него эксплицитное и недвусмысленное обещание не признавать Григория.

В 1464 г. Феодосий оставил московскую кафедру, благословив быть митрополитом всея Руси Филиппа, епископа суздальского. Покидая

Ионе и которую после смерти брата моего Ионы, ты изложил в грамоте за своей подписью, — ныне тот же обет подтвердил [бы] в своих грамотах и послал [бы] господину и сыну моему великому князю Василью Васильевичу и господину и сыну моему великому князю Ивану Васильевичу; также и русским епископам, о Святом Духе моим сыновьям и сослужбникам, а твоим братьям, послал бы другую такую же грамоту. И ныне ты бы, о Святом Духе мой сын, помня тот святой обет [данный] перед Богом на своем поставлении, и по тем твоим подтвержденным грамотам, на то данным, не принимал бы благословения того отступника, Исидорова ученика Григория, и не требовал бы ни в чем, и писаниям его и поучениям не внимал бы, соблюдая свою едиnorodную бессмертную душу от подобного еретичества». — О выражении *твердые грамоты* 'подтвердительные грамоты' см.: [Срезневский, III: стлб. 941].

⁵⁶ Феодосий предлагает послать одну грамоту обоим великим князьям (обоим вместе, а не каждому в отдельности), другую грамоту — русским епископам (всем вместе). На это указывает фраза: «такую же еси свою другую грамоту послалъ».

⁵⁷ О том, что на поставление Феодосия дали повольные грамоты два архиерея — новгородский Иона и тверской Геннадий, — говорит Никоновская летопись [ПСРЛ, XII, 1901: 114].

кафедру, он написал архиепископу Ионе, напоминая ему о необходимости не признавать Григория и не иметь с ним никакого общения. Это напоминание кажется излишним, и в ответе Ионы чувствуется раздражение⁵⁸. Отвечая Феodosию, Иона писал:

А что наш господинъ и отецъ пишешъ къ намъ, вспоминая, коли есмы были на Москвѣ [...] и нынѣча намъ нашъ господинъ въспоминаешъ тогдашнее съединеніе съ своею братією, съ архіепископомъ и епископы, о церкви Божіей бывшее: ино да вѣсть честная ти святыни, якоже тогда, тако и нынѣ, о томъ церковномъ соединеніи съ братью своею неподвижно пребываемъ, якоже и подписахомся [т. е.: в соответствии с данным мною обещанием. — Б. У.]. А еже пишешъ къ намъ, господинъ и отецъ нашъ, о Григоріѣ, Исидорову ученику и ревнителю, еже не примѣшатися, якоже тогда, тако и нынѣ, къ нему; ино, господине и отче, не обыче домъ Премудрости Божія Святыя Софія волка вмѣсто пастыря пріимати, ни горкаго вмѣсто сладкихъ, ниже каменію причащатися, хлѣбу предлежашу, но дрѣжатися истиннаго пастыря, иже дверми въ ограду овчю приходящаго и душу за овця полагающа, а не отъ Рима прелязющаго

[РИБ, VI, № 99: стлб. 705].

Ответ Ионы кажется уклончивым: новгородский владыка не говорит прямо о Григорие (чего, видимо, ожидает от него Феодосий), но подтверждает тот обет, который он давал раньше: он подтверждает неизменную верность православию, которая была выражена в его исповедальной грамоте («якоже и подписахомся», — говорит он, очевидно, ссылаясь на эту грамоту)⁵⁹; равным образом он подтверждает неприятие латинства, т. е. решимость «латинства остерегаться», о котором также говорилось в его обещании на поставлении. Но об отречении от Григория здесь прямо не говорится⁶⁰.

⁵⁸ Ср. комментарий Е. Е. Голубинского: «Ответ архиепископа митрополиту как будто звучит так, что он наконец обиделся на слишком частые напоминания» [Голубинский, II/1: 525].

⁵⁹ Ср. процедуру прочтения и подписания исповедальной грамоты: [РИБ, VI, № 52: стлб. 451–455]; см. в этой связи: [Ваврик 1963b: 364–365].

⁶⁰ Позднее Иван III писал Ионе (в 1468–1469 гг., см. относительно датировки: [РФА, V: 955]): «Кѡли паки еси, нашъ богомолецъ, прѣѣжалъ къ нашему отцу великому князю, и ко мнѣ великому князю, и къ нашему отцу Ионѣ, митрополиту всея Русіи, на свое поставленіе [...] и каковъ паки еси обѣтъ свой далъ Ионѣ митрополиту, что ти къ тому Григорью не приступити [вариант: *не приступати*. — Б. У.], а быти ти не отступну отъ нашего отца Ионы, митрополита всея Русіи, или хто и по немъ будетъ, хто ни буди, митрополитъ въ дому пречистые Богородици на Москвѣ, у гроба чудотворца Петра, митрополита руского; а опослѣ отца нашего Ионы митрополита живота его, и ты и отцу нашему Феодосью митрополиту обѣтъ свой положилъ своимъ писаніемъ, да и нынѣшнему отцу нашему Филипу митрополиту. [...] А помнилъ бы еси, отче, свой обѣтъ, какъ ся еси обѣщаль преже бывшему отцу нашему Ионѣ, митрополиту всея Русіи, на своемъ поставленіи, или хто по немъ будетъ митрополитъ въ дому пречистыя Богородици, у гроба чудотворца Петра митрополита на Москвѣ» [РИБ, VI, № 100: стлб. 709–712].

Подытожим наши выводы относительно присяги архиепископа Ионы. Иона на своем поставлении использовал ту форму епископского обещания, которая была в это время принята: он обещал «латинства остерегаться», но при этом не упомянул имя Григория. Именно поэтому он вынужден был затем повторять свое обещание: московские власти, очевидно, не удовлетворенные данной им присягой, ожидали от него, чтобы он отказался от общения с Григорием, используя новую форму епископской присяги; он же, насколько можно понять, повторял свое обещание в той форме, в которой оно было им произнесено на поставлении⁶¹.

§ 10. Григорий Болгарин появился на Руси с настольной грамотой и рекомендациями папы римского [DPR, I, №№ 82–84, 91: 145–149, 155–156], и таким образом ему удалось добиться признания в католическом польско-литовском государстве. В середине 1460-х гг. Григорий решил разорвать связь с Римом и восстановить традиционные церковные связи с Константинополем (см.: [Успенский 1998: 239; Флоря 2007: 421; Idem 2011: 562]. В 1467 г. права Григория на общерусскую митрополию

Итак, Иван III напоминает архиепископу Ионе об обещании, которое тот дал на поставлении: «къ тому Григорью не приступити». Мы видели, однако, что Иона на своем поставлении не мог дать подобного обещания (см. § 8). Очевидно, что великий князь не цитирует текст грамоты архиепископа, а пересказывает ее содержание так, как он его понимает: при этом он пользуется обычными формулами, которые мы находим в грамотах других епископов (выданных после поставления Ионы) и которые стали к тому времени трафаретными (об этом свидетельствует фраза «ти къ тому Григорью не приступити»; это цитата из решения декабрьского собора 1459 г., см. выше, § 8). Он исходит не из того, что сказал Иона на своем поставлении, а из того, что тот должен был сказать.

⁶¹ А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко атрибутируют Ионе присяжную грамоту, озаглавленную «Рукоположение», дошедшую до нас в формулярном изводе [РФА, 2008, № 55: 201–202], где содержится отречение от митрополита Григория; грамота адресована некоему «митрополиту всея Руси», т. е. кому-то из преемников митрополита Ионы (см. выше об этом титуле, примеч. 8). Текст этой формулярной грамоты совпадает с присяжной грамотой тверского епископа Геннадия Кожина, данной новопоставленному митрополиту Феодосию в 1461 г. [РИБ, VI, № 94: стлб. 687–690; см. выше, § 8]; Плигузов и Семенченко справедливо считают рассматриваемую ими грамоту («Рукоположение») формулярным изводом грамоты Геннадия Кожина. Вместе с тем, грамота эта начинается словами: «Аз, сомирный имярек, архиепископ или епископ котораго града...»: слово «епископ» в грамоте Геннадия Кожина заменено здесь на «архиепископ или епископ». На этом основании Плигузов и Семенченко полагают, что грамота «Рукоположение» представляет собой формулярный извод как грамоты тверского епископа Геннадия, так одновременно и грамоты новгородского архиепископа Ионы; как та, так и другая грамота была дана, по их мнению, митрополиту Феодосию в 1461 г.; под грамотой Ионы имеется в виду при этом грамота, данная Ионой Феодосию в ответ на цитированное выше послание Феодосия от 8 июля 1461 г. [см.: РФА, V: 1005–1006]. Думается, для такого вывода нет достаточных оснований: добавление слова «архиепископ» в формулярном изводе присяжной грамоты епископа Геннадия Кожина могла относиться не к грамоте архиепископа Ионы, а к грамоте ростовского архиепископа Трифона, поставленного 13 мая 1462 г.

признал константинопольский патриарх Дионисий I; патриарх Дионисий, ученик и последователь Марка Эфесского, был противником Флорентийской унии, и признание Григория означало подтверждение его православия. Послание патриарха датированное 18-м февраля 1467 г., было адресовано «до всея Руское земли и до Великого Новгорода»; в нем содержался призыв восстановить единство митрополии и подчиниться митрополиту Григорию как законному митрополиту. Здесь говорится:

А имели бы есте одну церков а одного митрополита, а про тож бы ся есте приложили к нему въ едность, ажъ бы была одна церков, а в ней один пастыр [...] . А того же дея шлем до всея Руское земли и до Великого Новгорода наше послы [...] иже бы полную веру дали вам всимъ о преосвященного митрополита Киевского и всея Руси кир Григорія, иже ест благодатию Божію к вѣрѣ и к повинности и в закони и обычаи наше святое зборное великое церкви Царграда и к вам даетъ общующи в годности з нами брать и сослужебник нашего сміренія [...] , только бы тот одинъ былъ митрополитъ истинный правый на всей Руской земли подлугъ старого обычая и звычайя руского. Не подобно бо есть, абы старый обычай и звычай изламанъ былъ [...] . А ест тотъ митрополит истинно Киевскій и всея Руси кир Григорій человекъ навелеумны нарожень, и вскормленъ, и наученъ во Цариграде великими добротами и духовными щедротами освященъ. А што вделали на Москве, ажъ бы того перестали делати, как же указываетъ и приказуетъ святая головная великая церква соборная, бо то ест против правилъ и противъ закону Божіего; елико именовали на Москве от Ионы и до сих часов митрополитов, тых всех великая зборная наша святая церковь не имаетъ, а ні дръжитъ, а ні именуетъ за митрополитовъ. А про то же бы есте вси приняли, и держали бы есте, и послушні были его, и имѣли его правого и истинного митрополита, предреченного преосвященного митрополита Киевского и всея Росии кир Григорія о святом Дусе возлюбленного брата и сослужителя нашего смиръниа. Иже бы былъ весь миръ и покоі, иже бы на первый обычаи, и на мир, и на уставленье закону обернулася вся Русская земля

[Щапов, II, прилож., № 52: 145–147; Корогодина 2021: 332–333].

Мы пытались показать, что в обещании, данном Ионой при поставлении в архиепископы и затем несколько раз повторенном по настоянию московских властей, не содержалось упоминания митрополита Григория. Иона обещал «латинства остерегаться»; это обещание могло относиться к митрополиту Григорию, поскольку тот в глазах Ионы был провозвестником католической веры, «от Рима прелазящим». Признание Григория патриархом Дионисием как православного митрополита освобождало Иону от его обещания, и он с чистой совестью мог высказать пожелание о том, чтобы его преемник был поставлен в Великом княжестве Литовском. В любом случае Иона не собирался общаться с Григорием: он предоставлял это тому, кто сменит его на новгородской архиепископской кафедре.

Библиография

АИ, I–IV

Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею, т. I–IV, С.-Петербург, 1841.

Алексеев 2018

Алексеев Ю. Г., Под знаменами Москвы. В: *Idem, История России в эпоху великого князя Ивана III*, С.-Петербург, 2018, 23–278.

Базилевич 1952

Базилевич К. В., *Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в.*, Москва, 1952.

Бернадский 1961

Бернадский В. Н. *Новгород и Новгородская земля в XV веке*, Москва, Ленинград, 1961.

Ваврик 1963a

Ваврик М., Флорентійські унійні традиції в Київській митрополії 1450–60 рр., *Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni*, Series II, Sectio II, vol. IV (X), fasc. 3–4, Romae, 1963, 329–362.

— 1963b

Ваврик М., До історії єпископської присяги в XV–XVI вв., *Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni*, Series II, Sectio II, vol. IV (X), fasc. 3–4, Romae, 1963, 363–390.

Владимирский-Буданов 1909

Владимирский-Буданов М. Ф., *Обзор истории русского права*, Изд. 6-е, С.-Петербург, Киев, 1909.

ГВНП

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка, Москва, Ленинград, 1949.

Голубинский, I–II

Голубинский Е. *История русской церкви*, I (1-я половина тома, изд. 2-е испр. и доп. Москва, 1901; 2-я половина тома, изд. 2-е испр. и доп., Москва, 1904; II (1-я половина тома, Москва, 1900; 2-я половина тома, Москва, 1917); археологический атлас ко второй половине I-го тома «Истории русской церкви», Москва, 1906.

— 1903

Голубинский Е. *История канонизации святых в русской церкви*, Изд. 2-е, Москва, 1903.

Золтан 2002

Золтан А., К предыстории русск. «государь». В: *Из истории русской культуры*, II, 1: Киевская и Московская Русь. Сост. А. Ф. Литвина., Ф. Б. Успенский, Москва, 2002, 554–590.

— 2014

Золтан А., *Interslavica: Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*, Москва, 2014.

Иоас. лет.

Иоасафовская летопись, Москва, 1957.

Казакова, Лурье 1955

Казакова Н. А., Лурье Я. С., *Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–XV века*, Москва, Ленинград, 1955.

Каштанов 2003

Каштанов С. М., Институты государственной власти Великого Новгорода и Пскова в свете немецкой средневековой терминологии. В: *Историческая память и формы ее воплощения*, Москва, 2003, 297–319.

Кобеко 1896

Кобеко Д. Разрешительные грамоты иерусалимских патриархов, *Журнал Министерства народного просвещения*, т. CCCV, 1896, № 6, 270–279.

Корогодина 2021

Корогодина М. В., Грамота патриарха Константинопольского Дионисия Новгороду (1467): Судьба славянского перевода, *Slověne*, 2021, 10/2, 321–337.

Лакиер 1847

Лакиер А., История титула государей России, *Журнал Министерства народного просвещения*, т. LVI, 1847, 10–11, отд. 2, 81–156.

Лицкевич 2019

Лицкевич О. В., «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье»: опыт комплексного критического разбора, С.-Петербург, 2019.

Лурье 1991

Лурье Я. С., Летописные известия о победе над Новгородом в 1471 г., *Вспомогательные исторические дисциплины*, 1991, № 22, 144–157.

——— 1993

Лурье Я. С., Житийные памятники как источники по истории присоединения Новгорода, *Труды Отдела древнерусской литературы [Института русской литературы Академии наук]*, т. XLVIII, С.-Петербург, 1993, 192–195.

——— 2021

Лурье Я. С., *Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства*, [Изд. 2-е], Москва, 2021.

Макарий, I–VII

Макарий (Булгаков), *История русской церкви*, т. I–VII, Москва, 1994–1997.

Мельник 2016

Мельник А. Г., История распространения культа св. Варлаама Хутынского на Руси в XV–XVI вв., *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2016, № 4 (108), 136–140.

Никитский 1869

Никитский А., Очерки из истории Великого Новгорода, *Журнал Министерства народного просвещения*, т. CXLV, 1869, № 10, 294–309.

Панченко 2015

Панченко К. А., Иоаким, патриарх Иерусалимский, *Православная энциклопедия*, т. XXIII, Москва, 2015, 148–149.

Печников 2013

Печников М. В., Иона Отенский, архиепископ Новгородский, *Православная энциклопедия*, т. XXV, Москва, 2013, 408–414.

——— 2021

П[ечников] М. В., Моисей, епископ Тверской, *Православная энциклопедия*, т. XLVI, Москва, 2021, 324–325.

Повесть об Ионе 1999

Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском. Подг. текста, пер. и ком. Т. В. Рождественской, *Библиотека литературы Древней Руси*, VII (Вторая пол. XV в.), С.-Петербург, 1999, 232–254.

Пресняков 1920

Пресняков А. Е., *Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII–XV столетий*, Петроград, 1920.

ПСРЛ, I–XLIII

Полное собрание русских летописей, т. I–XLIII, С.-Петербург, Петроград, Ленинград, Москва, 1841–2004.

РИБ, I–XXXIX

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, т. I–XXXIX, С.-Петербург, Петроград, Ленинград, 1872–1927.

Рудаков 1913

Р. [Рудаков В. Е.], Феофил, архиепископ Новгородский, *Русский биографический словарь, т. «Яблоновский – Фомин», С.-Петербург, 1913, 478–479.*

РФА, I–V

Русский феодальный архив XIV– первой трети XVI века. [Сост. А. И. Плигузов, Г. В. Семенченко, Е. Ф. Кузьмина], т. I–V, Москва, 1986–1992. Первый том данного издания перепечатан в исправленном виде в книге: РФА, 2008.

РФА 2008

Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Сост. А. И. Плигузов, Москва, 2008.

СГГД, I– V

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, т. I– V, Москва, 1813–1894.

Седельников 1930

Седельников А. Д., “Послание от друга к другу” и западнорусская книжность XV века, *Известия АН СССР, VII серия. Отделение гуманитарных наук, 1930, № 4, 223–239.*

СлРЯ XI–XVII вв., I–XXXI

Словарь русского языка XI–XVII вв., т. I–XXXI, Москва, 1975–2019.

Срезневский, I–III, дополн. том

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I–III, С.-Петербург, 1893–1903.* Дополнения: С.-Петербург, 1912.

Степ. кн., I–III

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Отв, ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф, I–III, Москва, 2007–2012.

Турилов 2006

Турилов А. А., К биографии и генеалогии Михаила Клопского, *Средневековая Русь, вып. 6, Москва, 2006, 178–209.*

Успенский 1998

Успенский Б. А., *Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление),* Москва, 1998.

— 2002

Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.),* Изд. 3-е, испр. и доп, Москва, 2002.

— 2020

Успенский Б. А., Загадочная форма в титуле русских царей, *Slověne, 2020, 9/1, 163–184.*

— 2021

Успенский Б. А., «Господарь Великий Новгород»: происхождение названия, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2021, № 3 (85), 24–44.*

— 2021a

Успенский Б. А., «Отчич и дедич» в титуле русских государей, *Шаги / Steps, т. 7, 2021, № 3, 238–286.*

— 2023

Успенский Б. А., Государь: история и этимология слова, *Вопросы языкознания, 2023, № 1, 7–18.*

Успенский, Успенский 2017

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси,* Москва, С.-Петербург, 2017.

Флоря 2007

Флоря Б. Н., *Исследования по истории церкви: древнерусское и славянское средневековье*, Москва, 2007.

——— 2011

Флоря Б. Н., Григорий, митрополит Киевский, *Православная энциклопедия*, т. XII, Москва, 2011, 562–563.

Черепнин, I–II

Черепнин Л. В., *Русские феодальные архивы XIV–XV веков*, ч. I–II, Москва, Ленинград, 1948–1951.

Щапов, I–II

Щапов Я. Н., сост., *Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики*, ч. I–II, Москва, 1976.

Янин 1991

Янин В. Л., *Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий*, Москва, 1991.

——— 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, Изд. 2-е, перераб. и доп., Москва, 2003.

——— 2008

Янин В. Л., *Очерки истории средневекового Новгорода*, Москва, 2008.

DPR, I–II

Documenta Pontificum romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953), I (1075–1700) — II (1700–1953). Collegit introductione et adnotationibus auxit A. G. Welykyj, Romae, 1953–1954 (= *Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni*, Series II, Sectio III, vol. I–II).

Halecki 1956

Halecki O., The Ecclesiastical Separation of Kiev from Moscow in 1458, *Studien zur älteren Geschichte Osteuropas*, Bd. II, Teil 1 (Festschrift für Heinrich Felix Schmid. Redigiert von G. Stökl), Graz, Köln, 1956, 19–32.

——— 1958

Halecki O., *From Florence to Brest (1439–1456)*, Rome, 1958 (= *Sacrum Poloniae Millenium*, V).

Hofmann 1946

Hofmann G., Papst Pius II. und die Kircheneinheit des Ostens, *Orientalia Christiana Periodica*, vol. XII, Roma, 1946, No. 3–4, 217–237.

Papée 1904

Papée F., *Polska a Litwa na przełomie wieków średnich*, t. I. Kraków, 1904.

Prochaska 1923

Prochaska A., Neznane dokumenta do unji Florenckiej w Polsce, *Ateneum Wileńskie*, rocz. I, 1923, 58–74.

Wawryk 1963

Wawryk M., Quaedam nova in provisione metropoliae Kioviensis et Moscoviensis ann. 1458–1459, *Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni*, Series II, Sectio II, vol. IV (X), fasc. 1–2, Romae, 1963, 9–26.

References

Alekseev Yu. G., *Pod znamenami Moskvy*, Idem, *Istoriia Rossii v epokhu velikogo kniazia Ivana III*, St. Petersburg, 2018, 23–278.

Bazilevich K. V., *Vneshniaia politika Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva: Vtoraia polovina XV v.*, Moscow, 1952.

Bernadsky V. N., *Novgorod i Novgorodskaia zemlia v XV veke*, Moscow, Leningrad, 1961.

Cherepnin L. V., *Russkie feodal'nye arkhivy XIV–XV vekov*, 1–2, Moscow, Leningrad, 1948–1951.

Floria B. N., *Issledovaniia po istorii tserkvi: drevnerusskoe i slavianskoe srednevekov'e*, Moscow, 2007.

Floria B. N., Grigorii, mitropolit Kievskii, *Pra- voslavnaia entsiklopediia*, 12, Moscow, 2011, 562–563.

Kazakova N. A., Lurie Ya. S., *Antifeodal'nye ereticheskie dvizheniia na Rusi XIV–XV veka*, Moscow, Leningrad, 1955.

Kashtanov S. M., *Instituty gosudarstvennoi vlasti Velikogo Novgoroda i Pskova v svete nemetskoi*

srednevekovoi terminologii, *Istoricheskaia pamiat' i formy ee voploshcheniia*, Moscow, 2003, 297–319.

Korogodina M. V., The Letter of Patriarch Dionysius of Constantinople to Novgorod (1467): Fate of the Slavic Translation, *Slovene*, 2021, 10, 2, 321–337.

Litskevich O. V., “Letopisets velikikh kniazei litovskikh” i “Povest' o Podol'e”: opyt kompleksnogo kriticheskogo razbora, St. Petersburg, 2019.

Lurie Ya. S., Letopisnye izvestiia o pobeде nad Novgorodom v 1471 g., *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 1991, 22, 144–157.

Lurie Ya. S., Zhitiinye pamiatniki kak istochniki po istorii prisoedineniia Novgoroda, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 48, St. Petersburg, 1993, 192–195.

Lurie Ya. S., *Dve istorii Rusi XV veka: Rannie i pozdnie, nezavisimye i oftsial'nye letopisi ob obrazovanii Moskovskogo gosudarstva*, 2nd. ed., Moscow, 2021.

Makarii (Bulgakov), *Istoriia russkoi tserkvi*, 1–7, Moscow, 1994–1997.

Melnik A. G., Origins of cult of St. Varlaam Khutynsky in the old Russia in the XV–XVI centuries, *Izvestiia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2016, 4 (108), 136–140.

Panchenko K. A., Ioakim, patriarkh Ierusalimskii, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 23, Moscow, 2015, 148–149.

Pechnikov M. V., Iona Otenskii, arkhiepiskop Novgorodskii, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 25, Moscow, 2013, 408–414.

Pechnikov M. V., Moisei, episkop Tverskoi, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 46, Moskva, 2021, 324–325.

Shchapov Ya. N., ed., *Vostochnoslavianskie i iuzhnoslavianskie rukopisnye knigi v sobraniakh Pol'skoi Narodnoi Respubliki*, 1–2, Moscow, 1976.

Sedelnikov A. D., “Poslanie ot druga k drugu” i zapadnorusskaia knizhnost' XV veka, *Izvestiia AN SSSR*, 6 seriia. *Otdelenie gumanitarnykh nauk*, 1930, 4, 223–239.

Turilov A. A., K biografii i genealogii Mikhaila Klopskogo, *Srednevekovaiia Rus'*, 6, Moskva, 2006, 178–209.

Uspenskij B. A., *Tsar' i patriarkh: kharizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie)*, Moscow, 1998.

Uspenskij B. A., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, 3rd. ed., Moscow, 2002.

Uspenskij B. A., An Enigmatic Form in the Title of Russian Tsars, *Slovene*, 2020, 9, 1, 163–184.

Uspenskij B. A., “Lord Great Novgorod: The Origin of the Name, *Old Rus. The Questions of Middle Ages*, 2021, 3 (85), 24–44.

Uspenskij B. A., *Otchich i dedich* (‘paternal and ancestral successor’) in the title of Russian monarchs, *Shagi / Steps*, 2021, 7, 3, 238–286.

Uspenskii B. A., Russian gosudar' ‘sovereign’: History and etymology, *Voprosy iazykoznanii*, 2023, 1, 7–18.

Uspenskij B. A., Uspenskij F. B., *Inocheskie ime-na na Rusi*, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Vavrik M., Florentiis'ki uniini tradytzii v Kyiv's'kii mytropoliu 1450–60 rr., *Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni*, Series II, Sectio II, IV (X), fasc. 3–4, Romae, 1963, 329–362.

Vavrik M., Do istorii iepyskopskoi prysiagy v XV–XVI vv., *Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni*, Series II, Sectio II, IV (X), fasc. 3–4, Romae, 1963, 363–390.

Yanin V. L., *Novgorodskie akty XII–XV vv.: Khronologicheskii kommentarii*, Moscow, 1991.

Yanin V. L., *Novgorodskie posadniki*, 2nd. ed., Moscow, 2003.

Yanin V. L., *Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda*, Moscow, 2008.

Zoltan A., K predystorii russk. “gosudar’”, *Iz istorii russkoi kul'tury*, II, 1: Kievskaiia i Moskovskaiia Rus', Litvina A. F., Uspenskii F. B., eds., Moscow, 2002, 554–590.

Zoltan A., *Interslavica: Issledovaniia po mezhlavianskim iazykovym i kul'turnym kontaktam*, Moscow, 2014.

Борис Андреевич Успенский, доктор филологических наук, профессор,
руководитель Лаборатории лингвосомиотических исследований
Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4
Россия / Russia
borisusp@gmail.com

Received September 23, 2022